

Вадим Гордеев

Осень. Рыжики. Гоголь

Лауреаты премии «Народный писатель»

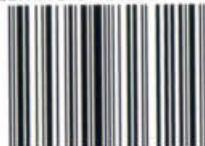

Священной мантрой для Вадима Гордеева стала знаменитая строчка Александра Галича: «Вечер, поезд, огоньки, дальняя дорога...». В произведениях автора отразились его наблюдения за миром, во всей его обыденной простоте, не лишенной красоты: «Чемодан воспоминаний всегда стоит под кроватью. Вот такая проза. Жизни».

В 2015 году Вадим Гордеев стал лауреатом премии «Народный писатель». Книга издана в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

ISBN 978-5-906826-11-4

9 785906 826114

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОГО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Вадим Гордеев

ОСЕНЬ.
РЫЖИКИ.
ГОГОЛЬ

окрестностей проходящий
по совместительству АФТАР
с тульской, ...

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
Г68

Гордеев В.А.

Г68 Осень. Рыжики. Гоголь / Вадим Гордеев. – М. : Издательство Российского союза писателей, 2016. – 116 с. (Серия : Лауреаты премии «Народный писатель»).

ISBN 978-5-906826-11-4

«Осень. Рыжики. Гоголь» – сборник рассказов Вадима Гордеева. Автор метко и точно рисует русскую глубинку во всей её неброской полноте. Погружаясь в калейдоскоп деталей и типажей, читатель вслед за автором отправляется в путешествие на Белое море и по древним русским городам, в путешествие настолько же реальное, насколько фантастическое.

В 2015 году Вадим Гордеев стал лауреатом литературной премии «Народный писатель». Книга издана в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906826-11-4

© Гордеев В. А., 2016

ПРИЕЗЖАЙ!

Столица провожала шаурмой и курицей гриль. Скорый поезд дёрнул на посошок и тронулся подальше от такой жизни. Через час в окнах вагона ресторана уже показывали вечер, иногда жирно блестели редкие огни станций.

– Может, водочки возьмём? Чтобы пустыми не сидеть, – по-мужски твёрдо предложил сосед с верхней полки. Мужик оказался майором дальней авиации. Он возвращался в свой гарнизон на Новой Земле.

Я кивнул.

Летун заказал полный боекомплект: бутылку водки, пиво, два салата.

За Александровом мы влили в себя по первой. Водка обожгла и улеглась в животе. Закусили салатом.

Не спеша мусолился дорожный разговор.

Громыхая и раскачиваясь, поезд торопился в ночь. Ещё долго в небе дынной коркой торчал месяц.

Только за полночь я занял своё койкоместо в шестом вагоне.

Утро. Станция. На платформе лужа, за ней ларёк, в нём пиво.

Майор взял две «Балтики», одну выпил здесь же.

– Ни хрена! Мы ещё повоюем! – скрипнул летун на прощанье.

Через несколько минут станция сиротливо опустела, стало слышно, как где-то лаяла собака.

Немногие пассажиры, сошедшие с поезда, быстро разошлись, и я остался один на автобусной остановке. Возле дорожного указателя косолапо переваливался гусь. Какие-то ошмётки вчерашней хорошей погоды. Шубы набухших облаков волочились с севера.

От станции ещё нужно было ехать километров сто восемьдесят.

Рейсовый «ПАЗик» долго чавкал колёсами по изъезженной грунтовке.

Накрапывало. Осень теряла цвет.

Через час дорогу перегородила широкая река. Очередь на паром. Курят, кашляют, со значением молчат чем-то озабоченные шофёры.

Потом придорожная столовка. В пол-литровых стеклянных банках алюминиевые ложки-вилки. Клёнки на столах. Репродукция шишкинских «Мишек в лесу» в рамке, выкрашенной бронзянкой.

А вокруг отсыревшие поля, угрюмый лес.

Ещё с полчаса я караулил попутку. С лесовозами мне было не по пути – через три километра они сворачивали на Вонгуду. Наконец остановился шестьдесят шестой «газон».

– Я до Улитино, там пешком с километр пройдёшь, – предупредил шофёр. Я хлопнул дверцей, и мы покатили вправо.

Деревня двумя улицами неказистых изб тянулась вдоль реки. На берегу чернели заросшие крапивой баньки, лодки, причаленные к берегу. Поодаль сутулилась рубленая церковь с покосившейся колокольней. Запах прогорклого палого листа, грибов, выкопанных огородов.

Я отсчитал пятую избу от колодца, подошёл к калитке. У сарай хозяин возился с бензопилой.

– Здравствуйте! Я от Игоря, художника из Москвы, – улыбаюсь из-за путаницы черёмуховых веток.

– Поживёшь в тёткиной избе. Её на майские склонили. Изба теперь пустая стоит. Ты печку-то топить умеешь?

Деревянные, прочно срубленные кровать, стол и лавка, выкрашенные в коричневый цвет, в гулкой отсыревшей избе. Давно нетопленная русская печь с почерневшей золой. На стене в рамке собраны фотографии каких-то стрижёных красноармейцев в гимнастёрках с петлицами, женщин в платьях с отложными воротничками – жизнь большой страны, где «так вольно дышит человек».

Из пяти десятков изб почти треть стоят заколоченными.

В окне избы напротив лысый мужик с головой, похожей на яблоко, прихлёбывал чай из блюдца. В конце улицы попалась бабка в красном платке. На согнутой в локте руке корзинка маслят.

– Вот, обабков насобирала на жарёху.

– А белые есть?

– Как не быть.

На глазах мрачнели избы незнакомой деревни. На улице было пусто и холодно. Из-за просвечивающего осинника то-скливо наплывал вечер. Река скользила мимо сумеречного ивняка.

У истопленной печи сиделось покойно и хорошо. В мечущемся пламени, постепенно чернея, потрескивали берёзовые поленья. С повети, ещё пахнувшей лошадиной сбруей и полушибуками, я принёс керосиновую лампу – электричества в избе не было. Ближе к полуночи пришёл Игнат.

– А чего у тебя в котелке? Тушёнка с макаронами? А водка есть? Нету?! Ну, значит у меня есть.

Порезали, разложили, разлили, выпили

– Игнат! Ты мне лучше скажи, как в Нюхчозеро пройти.

– Ну-у... далёко будет идти.

– Часа три – четыре?

– Если на тракторе, часа за два можно обернуться.

– Нет у меня трактора, Игнат, – развозжу руками.

– Я б тебя на тракторе враз свозил бы, – Игнат достал пачку «Примы», потом принялся шарить по карманам в поисках спичек.

– Ну свези.

– Не могу, сломался.

– А за клюквой, брусникой в ту сторону ваши деревенские ходят? – не сдаюсь я.

– Не-е, далёко, – пыхнул Игнат сигаретой, – наши на Филипповском болоте ягоду берут да на вырубках.

– Ну, а за день я обернусь? – продолжаю наседать.

— Так-то обернёшься, тока не дойдёшь. Там в лесу свёрток много, заплутаешь, к делянкам выйдешь.

— Что, совсем никак?

Коптилка на столе замигала ленивым и тусклым огоньком.

— Ладно, будет тебе провожатый.

Ночь шла своим чередом. Я долго лежал в чёрной пустоте осиротевшей избы в ожидании чего-то. Здесь, почти за девятьсот километров от Москвы, я чувствовал себя отпущенными на волю. Осень всегда куда-то манила меня. В городе жизнь привычно-незаметно просачивалась сквозь пальцы между работой и домом, и так одиннадцать месяцев в году, а тут...

Весь следующий день сеял въедливый дождик. С утра на ногах — познаю окружающий мир, фотографирую, а во мне только кружка пустого чая и любопытство к окружающему миру. Вокруг всё какое-то отсыревшее, в листве копошится ветер.

Узнав о приезжем, около избы с обеда возились два мальчишки, стараясь привлечь моё внимание.

— Дядь, это ты в Нюхчозеро ладишься? — серьёзно посмотрел на меня крепенький, как боровичок, паренёк.

— А ты что, дорогу знаешь, Сусанин?

— Ну, — кивнул он.

На пареньке была выцветшая нейлоновая куртка не по размеру, рубашка с расстёгнутым воротом, на ногах резиновые сапоги разного цвета.

— Звать-то тебя как, Сусанин?

— Фёдор Игнатич.

— А на Фёдора откликаешься?

Мальчишка кивнул.

— Ну, а я Вадим, — улыбаюсь пареньку.

Назавтра быстро собрался, покидав в рюкзак котелок, кружку, чай и плитку шоколада, взял фотоаппарат.

Грязное небо, сырье комья облаков. За заброшенной фермой свернули в некошеные поля. Уже через несколько метров

джинсы на коленках промокли, налипшая на сапоги земля мешала идти.

Начался лес, притихший, как заброшенная церковь. Из кудрявого мха торчали грибы.

Примерно через пару часов вышли на залитую водой колею, потом упёрлись в стену жухлого иван-чая. Ещё через пол-часа показались скелеты двух изб и завалившаяся на бок часовня с шатром — признаки навсегда ушедшей жизни.

Корявые берёзы и несколько рябин напоминали о сгинувшей деревенской улице.

— Пришли?

— Нет, это Кроминская. Ещё километра три.

— Федь! Я запарился, давай чаю вскипятим?

— Там попьём, — не сбавляя шага, обрезал провожатый.

Нюхчозеро с прогорклыми избами в зарослях крапивы чем-то напоминало лица северных старух. Нет, не внешне, а по ощущениям.

В деревянной церкви стояла сложенная из кирпича печка, стол и нарты в два яруса. У входа чернело пятно костра, валялось несколько пустых бутылок.

— Федь! А кто здесь живёт?

— Рыбаки приезжают на выходные.

— А как они сюда добираются?

— На вездеходе.

Высоко в небе был слышен самолёт.

— С Архангельска на Москву полетел, — запрокинув голову в небо, сказал Федька.

— А ты откуда знаешь?

— Дак всегда в это время летит. Вадим, а ты чё в деревне-то делать будешь?

— Вещи старые хочу поискать.

— Какие? — удивился Федька.

— Прялки, туеса.

— А зачем тебе? Мы тут с ребятами летом на костре прялку пожгли.

— Мне для музея.

Я зашёл в ближайшую избу. Потянуло спёртой сыростью и гнилью. Пол провалился, стены, расписанная мебель, сундук в углу – всё затянула плесень. На повети были свалены прядки, туеса, старый радиоприёмник и ворох погнивших рыболовных сетей с берестяными поплавками.

– Вадим! Пошли на тот конец, там в избе рукомойка за печкой.

Федька ведёт меня длинной улицей.

В крайней избе рядом с русской печкой висел красномедный рукомой, аккуратный, совсем не мятый.

– Подойдёт для твоего музея?

Потом Федька разжёг на берегу озера костёр. Быстро засулькала в котелке вода. В чай бросили горсть малины и шиповника, которые росли почти у каждой избы.

– Давай, ешь шоколад, – протягиваю Федьке плитку.

Аккуратно обломив краешек, он деликатно стал жевать.

– Нравится?

– Горький.

– Так это хорошо!

Подбросив в костёр сушняку, Федька принял раздувать пламя.

Подымив, не сразу, костёр весело разгорелся. На фоне мёртвой деревни костёр притягивал, от него веяло каким-то обжитым теплом.

– Вот лучше угощайся, – паренёк вытащил из тощей котомки краюху хлеба, огурцы, приплюснутую луковицу и соль в спичечном коробке. Я достал из кармана складной швейцарский нож и стал резать хлеб и огурцы.

Федька изредка косил взглядом на ножик с красной ручкой и белым крестом у основания лезвия.

– Нравится?

– Ничего, – потупился Федька.

Положив колёсико огурца в рот, Федька запрокидывал голову и досыпал щепотку соли, похрумкав, откусывал вдогонку хлеб. Хлеб был свежий, с поджаристой коркой. Ел Федька не спеша, обстоятельно.

– Федь! А что не в школе?

– Учительница заболела.

– Школа-то далеко?

– А там, – махнул он рукой куда-то в сторону.

Федька не спеша снял с углей вскипевший котелок и разлил чай в кружки. Свою, моментально нагревшуюся алюминиевую, он обернул листьями конского щавеля. Лицо у паренька было при этом серьёзное, даже какое-то озабоченное, а глаза сияли.

Отхлебнув остывшего чая, я пошёл собирать сушняк.

– Федь! А кем станешь, когда вырастешь?

– Я на трактор пойду, как папка.

Через час костёр догорел. Федька зачерпнул котелком воды из озера, залил тлеющие угли.

То ли от чая, то ли от быстрой ходьбы мы разумянились и согрелись.

За озером бабахнуло. Стреляли где-то в полях. Дуплет раскатился протяжным гулким эхом.

– В Анциферовской, – определил Федька.

К вечеру ненадолго показалось солнце. Окрестности сразу зарумянились.

– Да вот надумала съездить внуков проведать. Петька мой-то в Архангельске теперь живёт. Пока ноги ходят, надо попроведать. Квартира у него хорошая, поживу до весны, до огородов, – разговаривают у магазина две старухи. Руки у обеих большие, узловатые, с пергаментной кожей.

– Федька! Это что за мужик-то с тобой всё ходит?

– Приезжий с Москвы, – проинформировал бабок паренёк.

– Далёко забрался.

Прощаясь, Федька предложил завтра сходить на реку поудить.

– Лодка у вас есть?

– Как не быть, на реке живём.

Вечер. За окнами избы какая-то промозглая слепота. С не-привычки не чувствую ни рук, ни ног. Через силу топлю печь,

скорее для уюта. В берёзовые поленья добавляю красноватую ольху. Отсыревшая за несколько месяцев печка сочится еле заметным дымком. На стене в рамке красноармейцы, краснофлотцы, младшие командиры...

Сколько же таких вот Федек молодых и не очень перемолол, ухайдакал безжалостный русский двадцатый век, думал я, ворочаясь на жёсткой лавке. Вспомнились поморские деревни с краснозвёздными типовыми обелисками и длинными столбиками одинаковых фамилий не вернувшихся с Великой Отечественной. Когда смотришь на этот бесконечный перечень Ивановых – Сидоровых, понимаешь: не мы выиграли войну, нами выиграли войну.

Спать не хотелось. Я поднялся с лавки, подбросил в печь несколько поленьев и поставил кипятиться воду для чая.

Ещё через день я уезжал.

Утро. Федькина мать Нюра, закатав рукава, жамкает постирушку у реки. Выполосканное, отжатое бельё она складывает в корзину.

На взгорке громоздится сруб Никольской церкви с колокольней.

– Теперь так уже не состроют, – перехватила мой взгляд Нюра. – Пожил бы ещё, успеешь в свою Москву-то.

– Нет, надо ехать, в понедельник на работу.

– Ну, надо так надо...

– Игнат дома?

– А где ему быть.

Заворачиваю на двор попрощаться.

– Ну, чё, парень, уезжаешь? Ноги не все ещё сбил? – Игнат выстреливает окурком за калитку.

Мы рас прощаались. Федька вызвался проводить меня до автобуса в соседнее село.

– Ну, Федь, ступай, дальше сам дойду, – сказал я за деревней.

– Не-е, я ещё чуток провожу.

– Ну всё, иди давай домой, – не выдержал я на горушке.

– Ну ещё немного, до грейдера.

У дороги он по-взрослому пожал мне руку.

– Федь, держи, – протянул я ему швейцарский ножик. – Это тебе на память.

Федька обмер. Обтерев руки об штаны, он неловко по очреди открыл оба стальных лезвия, пилку, шило.

Я зашагал по твёрдому грейдеру, через сто метров на повороте обернулся: избы, церковь, река.

Я понимал, что больше никогда этого не увижу.

Федька всё ещё вертел ножик в руках.

И вдруг я услышал его звонкий голос:

– Вади-им! Вади-им! Приезжай летом!

Беззвучно махая сильными крыльями, на юг, вслед за ушедшими летом по небу тянулся журавлиный клин. Птицы горанно печально перекликались.

ОСЕНЬ. РЫЖИКИ. ГОГОЛЬ

Вот он долгожданный первый день отпуска – рваное, скомканное ветром небо, подбитые осенней ржавчиной поля и перелески. Осень ещё не стала золотой. Через час промелькнул отсыревший, съёжившийся на ветру древний Каргополь с жирно блестящими после дождя крышами.

«Минус ещё один год», – с тихой грустью реагирую на картинку за окном. На сей раз решил пожить несколько дней в Ошевенске с деревянными храмами и развалинами монастыря.

Сновеньского асфальта трассы на плесецкий космодром видно, как тихо и серо скользит Онега, нехотя желтеют березняки.

Сворачиваем в большое село Архангело с двумя деревянными церквями, будто с неба спустившимися. Тормозим у магазина.

Мороженая рыба, колбаса, йогурты, вафельные торты. Бабка в мышиного цвета полуушалке покупает подсолнечное масло. На подоконнике жмурился кот, с потолка свисают скукоженные липучки с приклеившимися к ним мухами.

«Этот бы продуктовый рай да двадцать лет назад», – улыбаюсь сам себе.

Слякотный денёк неприметно катился к вечеру. За окном машины с полчаса топорщился тощий ольшаник, потом показался Ошевенск – сначала чёрная шатровая церковь с колокольней, потом словно присевшие на корточки избы. Над колокольней кружилась стая галок, не зная, куда сесть. Село стояло пустое и мокрое.

На втором этаже гостевой избы три комнаты, в одной – этнографический музей, в двух других – самодельные деревянные кровати под пёстрыми лоскутными одеялами, на полу домотканые дорожки, на комоде корейский телевизор,

набелённая известью печь в коридоре. Попили чайку на скорую руку, и приятель уехал до вторника.

За окном раскачивались голые ветки, серой плитой давило небо и шуршал дождь. Вечер тянутся долго, можно сидеть у тёплой печки без дела, позволяя мыслям течь свободно и легко. В ящике комода очень кстати оказался замурзанный томик «Мёртвых душ». Я уселся поближе к свету, налил чай в кружку и стал читать. Незаметно проникся к Собакевичу – мужик-то оказался не промах – голый pragmatik, никакой маниловщины с ноздрёвицей, всё сдержанно, деловито: сразу просёк ситуацию и обилетил «господина средней руки» Чичикова Пал Иваныча, заломив за покойников бабки. А как считывал ситуацию! Одни характеристики городскому начальству чего стоят! Хорошо бы вписался помещик в сегодняшние госструктуры: основательно пилил бы бюджет, твёрдой рукой брал бы откаты – не случайно он у Гоголя в четверть часа смачно «доехал» всего осетра – чувствуется масштаб личности! А тут... Кулёк мятных пряников и невнятные перспективы. Финал поэмы беспросветно судьбоносный: катит в бричке пройдоха, и, как у Гоголя, «опять по обеим сторонам пути пошли вновь писать вёрсты... серые деревни... городишки с деревянными лавочками... и горизонт без конца». Уж скоро двести лет как господа Чичиковы катят да катят, и делишки проворачивают такие, что любезному Пал Иванычу и не снилось.

Ещё немного, и сегодня станет вчера. Отпуск стал реальностью. Первый день полон контрастами – повседневность ещё не отпустила, а картинка вокруг уже другая: цвет, запахи, ритм – всё отличается от Москвы. Постепенно инерция будней будет гаснуть, проблемы на время отдалятся. Изба с печкой, деревянная церковь в конце села, осколки монастыря за рекой. Вокруг разлит какой-то увядающий покой.

Наутро случилось воскресенье. Блёклло и грустно светит солнце.

Ветер подсушил обочину, и она проминалась под сапогами. Вокруг озябшая тишина. Напротив школы скромный

мемориал с ровными столбцами фамилий и названиями – почти весь русский Север остался лежать в братских могилах.

Сзади всхлипнула калитка, и опять всё стихло.

Ещё позавчера вокруг бурлила Москва с одинаково выстроенными буднями, а теперь нереально длинные двадцать восемь отпускных дней. За крапивой и выкопанными огородами зарумянилась деревянная церковь. Сбитое в рыхлую кляксу стадо брело большим полем. Пастухи разговаривали с коровами громким матом.

На опушке набрал веток, с третьей попытки костерок нехотя занялся, задымил. Смотрю на манную кашу облаков. Жду, когда закипит вода в котелке. В двух шагах прохладный, как нетопленная изба, лес. Костерок горит через силу, сизый дымок нехотя выползает из-под горки веток.

– Ну, здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок! – с чувством влив в себя пару глотков. Вискарь обжёг и улёгся в животе.

Хорошо! Приятная истома разлилась по всему телу. Пожевал ломтик колбасы, налил из котелка чая, обеими руками взял горячую кружку и, осторожно вытянув губы, подул. Целый год ждал этого момента – свершилось!

– Не здешний будете? – стеганул по спине неожиданный вопрос.

– Приплыли! – чуть не захлебнулся чаем.

Искусанное осинами лицо понимающе улыбалось. Не-знакомец быстро обшарил меня взглядом, свойски протянул ладонь и назвался:

– Санёк.

Наскоро состряпав подобие гостеприимной улыбки, приглашаю к костру.

– Издалёка?

– Не очень, – без энтузиазма пожимаю плечами.

Мужик подсел к костерку, порывшись в брезентовом рюкзаке, извлёк банку тушёнки, буханку черняшки, бутылку водки и эмалированную кружку.

– Может, виски? – поняв, что так просто от Сани не отделяться, пытаюсь перехватить инициативу.

– Не-е, не люблю. Виски, джин – десять лет пил эту самогонку, – Саня ловко вспорол ножом банку тушёнки, толсто нахромсал хлеб.

– Да вылей ты чай, потом ещё заварим, – торопил внезапный знакомый. – Лучше водочки выпьем. Чего воскресенью пропадать?

– Мне чуть-чуть.

– Это как-то не по-русски, – не одобрил Саня. Скрутив пробку, он разлил по первой.

– Ну, накатим для аппетиту!

Выпили водки, время к разговорам.

– А где вискарь пил? – пытаюсь подцепить хлебом тушёнку.

– После мореходки ходил в Атлантику.

– А чего завязал с этим делом?

– Да это не я завязал, это со всеми нами в девяностые завязали, с целой страной.

– А сам откуда?

– С Питера. Скучно в городе: утром на работу, вечером домой, в выходные с мужиками в гаражах бухаешь. Три года так кантовался, всё думал, что опять в море уйду, да залетел по пьянни, срок условный дали. В общем, не судьба, – взгрустнул Саня и разлил по кружкам.

– Сюда каким ветром?

– Лесом с мужиками занимаемся.

– Пилите?

– Валим, – уточняет Саня.

Он не спеша вытряхнул из пачки «беломорину», размял табак, дунул в картонный мундштук, смял кончик и закурил.

– В Ошевенск проветриться? – съязвил я.

– Типа того, – щурится Саня на костёр. – Дачник, что ли, с Москвы? – кивает он на фотосумку.

– Отпускник.

– Чё не в Египте? Там полный олинклузив.

– Да не тянет как-то.

Подбрасываю в костёр несколько сучьев, сначала дым стелился в сторону леса, потом огонь весело задрожал, запрыгал сквозь кривые ольховые прутья.

– В нашем полку прибыло, – кивнул Саня в сторону леса.

Приминая сапогами траву, к нам уверенно загребал мужичок с «хапужником» за спиной. Усевшись у костерка, он уговорился у Сани папироской.

– Не здешний? – обсматрел меня вновь прибывший.

– Как грибы? – кивает Саня на поцарапанный «хапужник».

– Какие грибы? Скоро лесу вокруг совсем не останется, – мужик без выражения смотрел на прибранную бутылку водки. Двухсотграммовую фляжку «Chivas Regal» я не собирался засвечивать: мужик как-то сразу не глянулся.

– Да вы всем колхозом вокруг трёх сосен толкётесь, – бросил Саня окурок в костёр.

– Рыжиков-то красных, поди, напродаив туристам, а, Иваныч?

– Кончай балаболить, – зыркнул Иваныч на Саню.

Докурив, грибник поднялся и, не попрощавшись, зашагал в село.

– Семёну передай – к обеду зайду, пусть «светленью» возьмёт! – крикнул вслед Саня.

Мужик никак не отреагировал.

– Знакомый? – киваю вслед деревенскому.

– Тут все знакомые. Это тебе не столица. Они здесь теперь все рыжичники: кто-то надоумил солёные рыжики туристам толкать – пол-литровая баночка – пятичатка, литровая – косарь, трёх литровая – три косаря.

– И что, берут дары леса?

– Кто-то берёт. Так эти ещё и бодяжут: накладут в банку волнух или перестарков, а сверху прикроют маленьками рыжиками. Ну городские и ведутся. Везде сейчас народ крутится – клюкву зелёную в марганцовке вымачивают, чтоб цвет набрала, и носят к поездам; вместо сушёных белых обабки продают.

А здесь ни реки нормальной, ни озера и до станции почти две-сти вёрст. Зато церкви деревянные остались. Вот и едут поглядеть. Ну, а у вас, в столице нашей Родины, как?

– Ничего нового.

Скоро совсем выдохся костерок, а вместе с ним и разговор. Захмелевший было Саня совсем протрезвел. Выплеснув остатки чая, мы зашагали в Ошевенск.

Поодаль от церкви стоял микроавтобус, рядом курили двое мужчин с полированными улыбками и фотоаппаратами на груди. Шатенка в пунцовой ветровке на толстый свитер прижимала пол-литровую банку солёных грибов. Баба с двумя баночками даров леса уже нацелилась на нездешнего вида экскурсантов. Через две избы отирали спину мужик, рядом крутилась собака.

– Слыши, купи рыжики! – догнал меня мужик с собакой. Я отрицательно мотнул головой.

– В магазине таких нету! – соблазнял мужик, подстроившись под мой шаг.

– Да не надо мне, – не сдавался я.

– Слыши, недорого продаю: семьсот рублей баночка! – ошарашил бизнесмен. – Гляди какие! – В пол-литровой банке сгрудились волнухи, немного рыжиков, дольки чеснока и раздувущиеся горошины перца.

– Возьми за шестьсот! – мешал фотографировать местный.

– Волнухи?! – взорвались во мне выпитые вискарь и Саня на водка. Физиономию мужика перепахало удивление.

– За сотку возьму на закусь, – наотмашь рубанул я.

Глаза у мужика растопырились.

– Грамотные все стали... Ладно, бери... за триста!

Сторговались на ста восьмидесяти – больше у меня с собой всё равно не было.

В тишине нудно таращил мопед – парень бесцельно жёг бензин между двумя магазинчиками в центре села. Величаво проехала на велосипеде тётка. Её мясистая женственность колыхалась на выбоинах.

Хмурые облака постепенно обложили окрестный пейзаж.
Через пару часов день слепился в дождливые сумерки.

Я раскрыл томик Гоголя, но читать не хотелось.

Примерно через час в дверь требовательно застучали.

– Слыши, рыжики солёные нужны? – Чернильная темнота пустой улицы, два мятых мужика с банкой грибов переминаются у порога.

– Опоздали. Уже отоварился, – я пытался отбить натиск.

– Возьми теперь у нас!

Мужикам было по...

Искусством кройки и шитья мы занимались ещё довольно долго.

Я намертво прирос к дверному проёму – если эти два коммерса завалятся в избу, их оттуда не выкурить. Не знаю, чем бы всё закончилось, но из моросящей мглы надвинулись жёлтые пятна фар. Из «четвёрки» крикнули мужикам:

– Ну, вы чёоо?! Давай залазьте! Там Репа с корешем с Каргополя приехал!

Утром я первым делом купил школьную тетрадку и фломастеры. Нарисовал банку грибов, перечеркнул её крест-накрест красным цветом и для убедительности написал «РЫЖИКОВ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ!», выковырял с доски объявлений перед администрацией ржавую кнопку, и тут...

– Слыши, борода, купи рыжики солёные! – щупловатый мужичонка средних лет ласкал в руках литровую банку грибов. Взгляд лукавый, физиономия щетинистая.

– Да иди ты! – ткнул в него объявлением.

С обеда задожило. На электроплитке свистел чайник. Гоголевская Коробочка, эдакая бизнесвумен из позапрошлого века, жила чинно-блинино, не заморачивается, готова торговаться покойниками – был бы спрос. Не поленилась, отправилась за шестьдесят вёрст в город, узнать, почём нынче торгуют за мёртвые души.

Бизнесмены и бизнесвумены, мать их, продыху от них нет! Достали натуральным хозяйством! Кажется, сейчас это на

иностранный манер называется «маркетингом»?! Маркетологи, мать их!!!

Назавтра, ближе к обеду, приехал приятель.

– Заедем в магазин, купим домой деревенской сметаны и творога, – притормозил он у гофрированной металлической коробки с вывеской «Молочные продукты».

На выходе меня тронул за плечо давешний мужик:

– Борода, купи рыжики!

С каким-то размытым лицом он покачивался на крыльце, как спелая рожь. Меня он напрочь не помнил. Руки баюкали банку солёных грибов, только вместо крышки горлышко закрывал тетрадный листок с надписью «РЫЖИКОВ НЕ...», перетянутый резинкой.

P. S. Рыжики я всё-таки купил: закусон и вправду что надо.

НИКОЛА ПРЕДЗИМНИЙ

Утро. Больше тысячи километров от Москвы на север.

Посёлок во всей своей нечернозёмности: бестолково застроенный почерневшими бараками с кирпичной котельной и блочной пятиэтажкой в центре.

Тягомотина бытия, бухалово и скука. «А не пошли бы вы?!» – ощетинился населённый пункт всем своим видом.

Да, чуть не забыл – что у нас с погодой? Погода нецензурная. К зиме, думаю, она наладится.

У маленького вокзала рыщет тощая собака. Билетная касса закрыта. Зал ожидания пуст. Тесновато-грязновато. Два из четырёх столиков буфета заняты. Хмурые мужики руками едят сосиски, макая их в блюдце с горчицей, и запивают чаем.

Две тётки пьют растворимый кофе с пирожком.

– Охренеть можно! – говорит одна. Подруга с увлечением продолжает что-то рассказывать.

Как они здесь живут? Наверняка ничего не слышали про лифтинг, лимфодренаж и лазерную подтяжку лица.

Целеустремляться было некуда, и я уже до прихода поезда не высывал нос из тёплого буфета.

Через час тепловоз нехотя потащил три вагона через зачекший под октябрьским дождиком пейзаж. Рабочий поезд останавливался на маленьких разъездах, одиноко гудел и ехал дальше.

В вагоне сонно и душно. Дорожные рабочие в кирзачах шлёпали засаленными картами в «дурака». Пассажиры переговаривались по-северному, скороговоркой. Какой-то русский рэп. В гулких тамбурах лязгали сцепки, и окатывало сырым холодом. Мужики периодически выходили туда подымить.

– Схоронил Василий Зинаиду, попродавал всю скотину по соседям, а деньги, лядящий, пропьянистовал. Зачем одному

хозяйство, когда в магазине всё есть?! – рассказывала соседке круглая баба с пучком на затылке.

– Пропадёт он без Зинаиды. Делать не хрена, пенсию плottят, и будет с мужиками глотку лудить, – часто моргала соседка.

– Изба чуть жива, венцы нижние совсем худые, и крышу перекрывать надо, а шифер дорогой – не укупишь на пенсию, – жаловался дедка парню. Тот ел с ножа консервы, в глазах вялая тоска. В проходе дремала лайка, положив морду на лапы.

Редкие остановки, людское шевеленье. За час из вагона сошли почти все ягодники.

– Борода, нам щас выходить, – обратился ко мне дедка.

Надеваю куртку, беру рюкзак и иду к выходу. Проводница громыхала дровами у печки.

– Спасибо, курносая, – расплылся в улыбке простоватым лицом дедок.

Женщина распахнула дверь вагона, громыхнула подножьем.

– Счастливо, – устало улыбнулась проводница сверху и захлопнула дверь.

Рядом с маленькой станцией два неказистых домика с сараюхами. В окне сидит кошка.

– Ну, тебе, борода, ждать попутный лесовоз. Тока они в Кривцы на делянки ездят.

– А ты куда?

– Даык вон деревня-то. Если замёрзнешь, приходи.

Метрах в трёхстах несколько дуплистых берёз, за ними с два десятка домов с салями и банями.

– Покурим дак, – улыбнулся дедок щербатым ртом. – Я на железке работал дежурным по переезду. Одёжу форменную выдавали, уголёк льготный и билет бесплатный раз в году, хоть до Мурманска. Хорошо. Только скучно. А вот этой зимой случай у нас был...

Дедка поведал историю про то, как в гололедицу завалилась здесь на бок фура с португальским портвейном. Деревенские быстро сориентировались по запаху. И пока водила приходил в себя, самые шустрые уже напились на халяву, а более

практически закидывали португальский портвейн в мешки из-под ядохимикатов, как поленья в печку. Мобильник на трассе не ловил, и водиле указали путь в контору, где был телефон. Забыв про ревматизмы и радикулиты, народ азартно затаривался элитным напитком. На месте бесплатной раздачи портвейна вскорости были уже и стар, и мал. Потом подъехали гаишники, отогнали деревенских от фуры и затарились сами. Водителя увели в контору для дачи показаний, а деревенских припугнули, что сейчас из города приедет следователь с нарядом милиции и пойдут по дворам конфисковывать награбленное. Народ, хоть и пьянящий, но разбрёлся прятать халюву по углам. Гаишники вызвали по радио подмогу, вскорости приехала милиционская «буханка», и два сержанта перегрузили оставшиеся ящики.

А водила фуры потом ещё неделю остервенело пил с деревенскими уцелевший португальский портвейн по 900 рублей за бутылку в розницу, ожидая подмогу.

Теперь о прошлогоднем месячнике здоровья напоминалобитое бутылочное стекло в придорожной канаве.

— Слыши, борода! У меня всей пензии на семь таких пузырей, а всю жизнь горбатился в колхозе. Во дела-то... Ладно, бывай, а то заболтался я с тобой, — растянул дедка рот в улыбке и подхватил сумку с крупой и консервами.

— Здоровья тебе, дедуль.

— Да ещё поживу малёха, потом снесут в рощу, закопают. Вот церкви у нас теперь нету, а раньше была ладная такая, деревянная.

— А куда делась?

— Так сгорела.

Стою посреди напирающего со всех сторон одиночества. С тревогой оглядываюсь по сторонам: что это вообще за история с географией? Дырявый асфальт ведёт куда-то в сторону Белого моря.

Тихо-то как!

Наконец вдалеке загудело. Потом показался лесовоз. Воздух в кабине спёртый, густой, магнитофон раздолбанно хрюпит

шансоном, с бумажной иконки кротко смотрит Богородица с младенцем.

Водила — мужик средних лет с надёжными глазами — возит лес в Карелию, к самой финской границе. Скоро дождями дорогу совсем развезёт, и до холодов её закроют для тяжёлой техники, поэтому приходится спешить, работать без выходных круглосуточно.

Асфальт закончился, мы подпрыгивали на ухабистой грунтовке, в лесу она растекалась неглубокими колеями. Вокруг щемящая бескрайность. Иногда попадались безлюдные деревни, нескончаемо тянулся бурый от непогоды лес. Какая-то до-живющая плоть крестьянского мира. Ещё с десяток лет и...

За всё время навстречу проехал только синий грузовик с логотипом «Почта России», и нас обогнала пара «жигулишек».

— Далеко ты забрался, турист, да и лето вроде кончилось, — боднул взглядом водила.

— Да я по делу, — не стал я уточнять детали.

— Больно умные все пошли, только жить в деревне некому, — ворчал мужик.

Я не стал ему рассказывать, как много лет назад в каком-то альбоме по русскому Северу увидел фотографию шатровой церкви на пригорке среди россыпи изб и как мне захотелось туда приехать. С тех пор я много перевидел северных церквей и часовен, но эта запала в душу, мне хотелось увидеть её именно в графичное северное предзимье, а ещё лучше — в первый снег. Постепенно подсобрал материал: как доехать, нашёл через общих знакомых у кого можно остановиться на несколько дней, и вот теперь выкроил время.

От трассы в гущу леса уходила разъезженная лесовозная дорога.

— Пройдёшь с километр, а там будет свёртка на Заозерье, — сориентировал меня водила.

Лесную дорогу обступили высокие ели, дождик шуршал где-то высоко над головой, путаясь в ветках. Ельник быстро за-кончился, небо расширилось, и казалось, даже чуть посветлело.

Дорога раскисла, налилась водой по колеям и вихляла через поле в сторону видневшегося Заозерья. Деревня была побольше и поосанистей той, в которой жил дедка.

— Дак Сашки сейчас в деревне нету, он в Михнево на озере — объяснил мосластый мужик в наброшенном ватнике и резиновых опорках. — Он там уток стреляет да сетки ставит.

— Далеко?

— Километров семь отсюда. Ступай к магазину, там в крайней избе Степан живёт. Может, и возьмёт тебя до Михнева — он жену со своячницей забирать собирался, они с утра на болота за клюковой ушли, — мужик взял из дровника несколько поленьев и зашаркал обратно в избу.

— Садись, успел ты, паря, я как раз собрался уезжать, — кивнул рыжий Степан в выцветшем камуфляже.

Лесная дорога была чёрной от луж.

— Снег не сегодня-завтра пойдёт, а ты приехал.

— Да мне церковь поснимать надо.

— Церковь?! Да чего там снимать, уж больно худая — лет десять как шатёр упал.

— Как упал?

— Даык почитай сколько лет пустая стоит, без ремонту. Раньше туристы с Москвы да Ленинграда летом приезжали смотреть, а теперь уж давно никто не бывал. Ну, дальше я не проеду, а ты вот по тропке на горушку взойдёшь и увидишь Михнево.

Сашку я услышал издалека по мату, которым он прогонял прибежавших из деревни собак.

Разглаженная пустота длинного и не очень широкого озера. На берегу полуразвалившаяся ботва почти чёрных изб. Чрез озеро на фоне прозрачно голого осинника виднелась словно врубленная в пейзаж полуразрушенная церковь.

У Саши усталое лицо скуластого покроя, разношерстный свитер крупной вязки с подвёрнутыми рукавами.

— А, помню, мне ещё летом Леонид Иваныч говорил, что с Москвы фотограф приедет. Только снимать-то уже нечего —

видишь, упал шатёр-то, — он зашёл на крыльце ближней к воде избы и толкнул дверь.

Прокуренная изба пахла печкой, одеждой и жареной рыбой. Железная кровать, застеленная стёганым одеялом, под ней жёлтые просохшие дрова, на стене старая фотография под стеклом. Давно небелёная печь обставлена резиновыми сапогами и ботинками. Рядом на верёвке развешаны заштопанные носки.

Саша наладил коптилку, поставил на стол остывшую сковородку с рыбой. Я достал бутылку «Охотничьей горькой». Хозяин степенно разлил по гранёным стопкам, мы выпили.

Он быстро растопил печку, плита постепенно разрумянилась, зелёный чайник незаметно вскипел и теперь плевался кипятком из носика.

— Ты вешай одежду поближе к огню, чтоб просохла. Ботинки ставь к печке. Чего в сырых-то ходить.

Через неплотно закрытую печную дверцу огонь отвечивал красным, печка уютно гудела. Обжигаясь, прихлёбываем из металлических кружек крепкий чай.

Тусклая маята дня на глазах становилась вечером. Сумерки наползали мутным киселём. Бренчали на ветру стёкла в рамках.

Саша сутуло сидел напротив, курил и рассказывал:

— Даык, знаешь, сколько раньше всякой старины по деревням было. Я ещё помню, как старые прялки с повети налучину щипали и разжигали печку или самовар. А мать сказывала, когда церковь закрыли, комсомольцы на иконах зимой с горки катались заместо санок. Только их потом всех на войне поубивало. Грех это — на иконах кататься, не для того они нарисованы были. Раньше старины этой в каждом доме было полно. Мы мальчишками из ковшиков медных блёсны делали на щук. Хорошо брала рыба! Это потом поехали с Москвы да с Ленинграда за старииной. Спрашивали иконы стариинные. Почему не уважить людей? Ведь издалёка едут. Вот прошлым летом художник один был с Москвы, он увидел у меня икону стариинную и захотел купить.

— Продал?

— Да нет. Не стал. Подумал: ей ещё мои дед с бабкой в церкви молились, а тут взять да и продать.

— А почему деревня здесь, а церковь на том берегу?

— Так там тоже деревня была до войны. Только с войны никто из мужиков не вернулся, бабы да старики после перебрались в Заозерье на центральную усадьбу. Церковь даже подделать хотели, с Ленинграда приезжали, но, вишь, с тех пор сколько времени прошло. Порушилось всё, погнило.

— Наверное.

— Ладно, завтра поеду сетки смотреть, свезу тебя. Сфотографируешь.

— А икону можно посмотреть?

— Можно. Сейчас принесу, она у меня в боковухе стоит.

Из котелка на плиту выплескивалась раскипевшаяся похлебка. Есть не хотелось. После пары стопок «охотничьей» и чая навалилась усталость, хотелось спать.

Саша принёс в растопыренных пальцах довольно большую потемневшую икону Николая чудотворца. Лобастый святой с тонким носом и колечками бороды цепко и грустно смотрел на окружающий мир, благословляя его правой рукой, в левой он держал Евангелие. Доска треснула посередине.

— Никола летний, — разглядел я икону.

— Как это?

— Ещё бывает Никола зимний, когда у него на голове митра.

— Я помню, я маленький был, лежу на печке, а бабка ему молится так тихо. Чтоб мы не слышали.

За ночь заметно похолодало. Озеро лениво разлеглось стылым оловом. С неба косо сыпала снежная крупа. Вот и дождался первого снега — гляжу поутру в окно.

Попив чаю, отправились в церковь. Саша взял с собой икону, обернув её брезентовым плащом.

— Куда ты с иконой?

— Домой свезу, в церковь.

Мы сели в «казанку», Саша завёл мотор. Ветер наждаком царапал щёки.

Наконец дюралевое днище зашуршало о прибрежный песок. Заинdevевшая трава хрустела под ногами.

Мы поднялись на горушку.

Схваченный в обло сруб церкви, какая-то кладбищенская тишина.

Жизнь, рубленая топором и навсегда ушедшая теперь. У церкви темнело костище с обгоревшими досками, рядом ржавая бочка из-под солярки.

Внутри храма темень. Смешанный запах пыли и сырости. На полу набросана какая-то рухлядь.

Саша можжевеловой веткой вымел небольшое место у стены, потом поставил икону.

Мы вышли на улицу. Поодаль росло голое дерево с несколькими листьями, ярко застрявшими в путанице веток.

Потом «казанка» тарахтела через забелённое снегом беззвучное озеро.

Всю дорогу перед глазами у меня стояла запавшая с юности фотография: красно-медная на закате церковь над густо-синим озером.

РУМЯНЫЙ СНЕГ ДЕКАБРЯ

Утро. За окном купе много снега и мало света. Осовелые от вагонной духоты пассажиры томятся в неудобных позах – скрой бы доехать.

Девушка напротив, поджав под себя ногу, смотрит фотки в мобильнике, мечтательно улыбается и что-то шепчет губами. Вторая, с озабоченным, каким-то птичьим лицом, вдумчиво красится. Красная футболка подчёркивает её безнадёжно унылые плоскости. Стараясь держаться твёрдо и прямо, по коридору идёт мужчина с двумя бутылками «Советского шампанского».

Наконец поезд начинает притормаживать, внизу зашипели тормозные колодки. Потянулись неказистые окраины районного центра, товарняки с лесом на запасных путях, склады, вокзал.

– С Новым годом! – парень чмокнул проводницу в щёку и довольный вышел из вагона.

На улице морозно, снег под ногами визгливо скрипит. Дыхание вылетает из рта белым паром.

В гастрономе у вокзала душно и шумно. С полок кричит капитализм: сыропечёные колбасы, коньяки, виски, даже текила. Народ берёт водку, варёную колбасу, шампанское и довольный идёт по домам готовиться к празднику.

Несколько блочных пятиэтажек обступили деревянные бараки и домики с крылечками и двускатными крышами.

Ленин с постамента тыкает скомканной кепкой в сторону Белого моря. Снежные шапки на голове и плечах делают его похожим на Деда Мороза.

С десяток человек с моего поезда топчут ногами снег на автостанции, переговариваются, курят.

– Как дома, дядь Серёж? – улыбается пахнущий дешёвым одеколоном парень.

Мужик с бурым румянцем на щеках, выдающим крепко пьющего человека, собрал лоб в гармошку:

– Помнишь Ивана, сына тётки Аглаи? Теперь совсем не пьёт. К попу ходил в монастырь.

– И чё? – без всякой интонации уточнил парень.

– Ну чё... Пришёл, а отец Виктор спрашивает: пьёшь, бо-гохульствуешь? Иван как на духу: дескать, есть грех, батюшка. – А зачем ты, раб божий, пьёшь? Ну, Иван ему: а не пить как-то не по-русски выходит, – дребезжит мужик тенорком.

– Это точно, – вставил парень.

– А ты не пей, – говорит поп и руку ему на плечо кладёт. – Обещаешь?

– И чё? – стрижёт парень взглядом проходящую мимо девицу.

– Ну-у, второй месяц Иван в завязке.

Наконец подкатил рейсовый «ПАЗик».

Водила обеими руками поправил криво сидящую шапку и кивнул нам: садитесь, мол, поехали!

Тесно уселись, побежал назад онемевший лес, редкие деревни, вмёрзшие в сугробы по самые окна. Холодом обдавало ноги.

Почти сто километров езды, два часа. Даже два с половиной. Деревушка Караваиха, куда решил махнуть на Новый год, словно тридевятое царство – такая же далёкая и недосягаемая, без света и связи, как при Иване Грозном.

Проехали мост через замёрзшую реку, автобус притормозил у магазина.

Мутно-розовый день. Снег матовый, словно застывшее стекло. Несколько баб постукивают, притоптывают валенками – ждут хлебовозку.

– Не видать машины-то с хлебом? – моргает глазами из-под пухистого пухового платка тётка.

– Едет.

– Далёко?

– Нет, перед поворотом обогнал, – успокаиваю их.

Хлебовозка резво сворачивает к магазину. Водитель быстро начал заносить лотки с формованными кирпичиками внутрь. Скрипит снег, скрипят деревянные ступеньки крыльца, скрипит крашенный охрой пол. Продавщица ловко перекладывает хлеб на полки. Слышино, как в печке потрескивают дрова.

Бабы выстроились у прилавка. Пахнет тёплым хлебом и стылой улицей.

– Нюр! Чё закрылась в магазине-то?!

– Всё тебе скажи! Выручку считала!

Лицо крупное, грубое, недовольное.

– Чё хлеба-то мало привёз?

– Пироги ешьте, праздников впереди целая неделя! – парирует шофёр, какой-то смурной парень. Хрен поймёшь, что у него на уме.

– Нюр! Шампанское не разобрали ещё?! – стараясь держать равновесие, в магазин ввалились два мужичка.

– Полусладкое тока.

– А мне без разницы! Я не сладкоежка! Мне чтоб стрельнуть под президента с курантами! – навалился мужичок на прилавок.

– Стрельнуть ему. Ты ж, Сергунок, к обеду уже махеровый будешь! – смеётся молодуха с отчаянными глазками.

– Не-е, дотерплю. Новый год всё-таки! – голос у мужичка сиплый, простуженный.

– Опять доски с пилорамы скоммуниздил?

– А Ельцин, Варька, сказал: берите, сколько унесёте!

– Дык уж сколь годов Ельцина нету?!

– А чё поменялось? – на лице радость освобождённого труда.

– Сколько тебе?

– Дай огурчиков маринованных банку и «Перцовку». Кто ж закуску без запивки берёт?! А, баб Зин?! – подмигнул он одной из старух.

– Одну «Перцовку»?

– Ну.

– Чё не две сразу? – стреляет глазами бедовая.

– Ладно, уговорила. Давай две!

– «Перцовка» пальчики оближешь, баб Зин! – смеётся мужичок.

– Иди, балабол!

Рейд по глубоким тылам народной жизни закончился, я с тёплой буханкой чёрного вслед за мужичками вышел на улицу.

Где-то хлопнула дверь, потом кто-то толкнул калитку, следом брякнуло ведро у колодца. Берёзы, как люстры, мерцают на тусклом солнце ледяной глазурью, вокруг румяные снега дебарбара.

До цели оставалось проехать ещё каких-то семьдесят километров. Вариантов всего два: проходящий автобус через пару часов или попутка.

Белая гладкая дорога, укатанная колёсами до блеска, пуста. Мороз пощипывает за нос и щёки, через голландскую «аляску» начинают коченеть плечи. Светлые, лёгкие столбики дыма из печных труб подпирают небо над селом. Всё сильней ощущаю потребность погреться, посидеть в тепле.

Стою, слушаю звонкую вымороженную тишину.

Наконец на окраину села выкатил крытый «Урал».

Бодро машу рукой: стой! Стой!!

Машина вильнула к обочине и остановилась.

– До поворота на заповедник возьмёте?

– Садись давай в будку, – окинул меня быстрым взглядом шофёр. Рядом хмурый мужик в ушанке с сердитыми и какими-то сонными глазами.

Стучу в обросшую наледью дверь.

– Здрасте вам! – залезаю в душное тепло.

Три слегка опухших добрых молодца в валенках режутся в картишки. На полу моток кабеля, инструмент, синие куртки с белыми логотипами на спине – всё вперемешку. Сваренная из металлических листов гудит буржуйка, забитая дровами. Дорога, картишки, трёп без начала и конца – жизнь на колёсах. Макароны с тушёнкой, чай «принцесса Гита» – всё условно съедобное.

Жизнь на коленке.

Бодрый Вилли Токарев из магнитофона напоминает, что жизнь у связистов хоть и сумбурная, но не скучная.

— Щиплется мороз? — улыбается мне мужик в свитере с оленями.

— Чё, рыбу ловить едешь? Правильно, здешний ряпус на вкус слаше, и мясо белое, без черноты, — второй с простоватым лицом смотрит на мой рюкзак.

— Давай, садись, а то без тебя игры нет, — подмигнул усатый, ловко тася засаленные карты. Он принял их раздавать, шлёпая по столу.

— Что-то долго едем, — заёрзal, забеспокоился я через час.

Когда спрыгнул на дорогу, увидел... Авдотьино, деревню за двенадцать километров от поворота, где ждал меня Серёга на лошади.

Евпатий Коловратий!.. И чё теперь?!

Синел, коченел на морозе пейзаж. С десяток придавленных снеговыми шапками изб, магазин, единственный фонарь и какая-то бесконечная пустота чистого листа бумаги — озеро.

Черпая ногами рассыпчатый снег, неловко спускаюсь к скованной льдом воде. Привычный пейзаж вообще не узнаю: нет осенней хмари, всё белым-бело, непривычно стерильно. Шуршит позёмка по стеклу озера, наметая складки снега.

Иду быстро, очень быстро.

Через озеро направляю до Караваих примерно семь километров. Спина намокла под рюкзаком, шапка липнет ко лбу.

Где-то там, в малиново-розовой дали, стоит моя деревенька.

Мороз заметно крепчает, пугающе гулко трещит, стреляет лёд — кажется, что лопается земная твердь. Какой-то полигон с артиллерийскими стрельбами, а не озеро! Главное — держать темп на открытом пространстве.

Километра через два рюкзак всё ощутимей начинает давить на плечи. Щёки и колени пощипывает холод, носа не чувствую, глаза слепит бриллиантовый на солнце снег.

Москва с её утром — автобус, музей, спешка, желание успеть — осталась где-то за озером, в Авдотьино.

Хорошо-то как!

Вскоре впереди наметились крыши, потом показались сами избы, трактор у дровника — кажется, с осени его так никто и не заводил. Ни одного дымка. Пусто.

Наконец стеклянные камыши, хрупко обступившие высокий берег, переметённая, почти стёртая стёжка наверху, к изbam.

Проваливаясь в снег, долго выхожу к Серёгиной избе, спрятавшейся в низинке за осинником.

— Ой, Вадим! А сам-то тебя встречать уехал! Мерина запряг, тулуп взял, чтоб ты не поморозился.

— Да меня вот в Авдотьино связисты завезли, через озеро шёл.

— Вот беда-то! Голодный, небось? — захлопотала Анна, загремела посудой в кухне, а через несколько минут поставила на стол уху. На плите в сковороде шипела картошка.

Когда за окнами повис фиолет декабрьских сумерек, вернулся хозяин.

— Я там мёрзну, а он тут чай распивает, — голос у Серёги с мороза низкий, басовитый. — Мы тебе вчера избу истопили. Печка там ладная, жаркая. Кто ж знал, что морозище такой завернёт? Архангельск передавал, что ночью до сорока опустится. Может, у нас поживёшь?

— Нет, Серёга, мечта у меня: один в деревенской избе и чтобы печку топить.

— Аа... Чудной ты мужик, Вадим.

— Чего за изба?

— Да тётки Анфисы. Она померла уж лет семь назад. Сначала сын Витька всё приезжал, лазил по брошенным деревням, старину искал, продавать её в Вологду возил, а теперь уж года три глаз не кажет. Слышал, посадили его.

Сугробы заровняли всё вокруг пуховым одеялом. Косматые, в инее, берёзы у заколоченных изб. Вместо фонарика светит луна. Дырявая цепочка следов ведёт вдоль озера.

Наконец Серёга свернулся к какой-то избе и толкнул дверь.

Вверх в темноту вела высокая лестница. Достаю фонарик, осторожно поднимаемся. Почти на полкомнаты крахмистая русская печь, ещё тёплая, дальше комната с буфетом, на стене зеркало в простой раме, несколько фотографий под стеклом. Маленькая боковушка с лежанкой. Холодно. Пахнет овчиной и застарелым табаком. На стуле тулул.

– Ну, давай, отдыхай, – сваливает дрова у печки Серёга. – Если надумаешь, приходи.

Складываю из поленьев колодец, вниз подсовываю завитушку бересты, чиркаю спичкой – тяга хорошая, огонь сопит и рвётся вверх. Всё это напомнило прощальный костёр в пионерском лагере.

Быстро обживаю пространство: тулул стелю на лежанку, на стул ставлю компактный светильник со свечкой-таблеткой. Горит не очень ярко, зато четыре часа и не воняет солярой, как все коптилки. К огню придвигаю котелок с водой. Она быстро закипает с одного бока. Бросаю заварку. Чайники набухают, начинают тонуть, вода становится чёрной – чай готов.

Ох, как хочется почёвничать, рассыпаться мыслями у истопленной печки.

Боковуха немного нагрелась, наледь на окне обмякла, на стекле появились проталинки, но свитер снимать не рисковую. У печки тоже ничего, только спине холодно – старые стены совсем не держат тепло, в окошки дует, сижу в «аляске».

Ночь, тени, силуэты, всё таинственно и как-то смазанно.

Постреливают дрова, колодец прогорает, чернеет, начинает оседать, бордовые тени мечутся по стене.

Заглянул в чулан: у стены валялись два сучковатых полена, стоял сундук без крышки. Внутри несколько прялок, какой-то ковшик. Из мешковины торчала кудрявая голова. Посветил фонариком, вытащил фигурку ангела, вырезанную из целого чурбака – голова, шея, торс со складками одежды.

Догадался, что всё это по деревням собирали на продажу хозяйствин сын.

В комнате немного оттёр скульптуру от грязи. Ангел снова стал молод и розовощёк. Он чем-то напоминал робеющего деревенского паренька. Какая-то тихая радость застыла на лице.

Осторожно ставлю скульптуру к стене. Подрагивающие тени подрумянили лицо –казалось, деревенский паренёк – ангел – зашептал губами молитву.

Огонь в печке постепенно выдохся, синеющее пламя уже не дотягивалось тенью до стены.

Спать не хотелось. Удивляться просто не осталось сил – уже сегодня, через несколько часов, Новый год.

ПОШЛИ В БАНЮ!

Гостевая изба была в самом конце деревни. Сразу за ней большое серое озеро. И над всем этим белёсое, без облаков, небо.

Ветер дребезжит плохо закреплённым оконным стеклом. Лежу рядом с остывшей за ночь печкой и слушаю начавшийся день. Вставать топить печь не хотелось, поэтому продолжаю пребывать под одеялом и смотреть в окно.

— За пейзажем надо ехать в деревню, — мысленно соглашуюсь со знакомым художником.

Наконец рывком сажусь на кровати, натягиваю свитер, который предусмотрительно кладу на ночь под подушку, ногой целую в импортный сапог.

Теперь самое трудное — шагнуть за порог. На улице зябко и по-осеннему грустно. Быстро спускаюсь к воде, с шаткой лавы черпаю ведром зеленоватую воду. У берега мокнут палье листья, шевелятся на ветру осины.

Дома привычно обкладываю берестянную завитушку сосновыми щепками, чиркаю спичкой. Через несколько минут печь загудела и пошла стрелять дровами, из щелей полез дым. Вскипятив котелок, засыпаю туда заварку, пью чай с пряниками, потом отправляюсь снимать брошенную деревню с часовней и окрестные пейзажи — пока не выцвели.

На улице пусто. Никого ни впереди, ни сзади.

Деревенское безлюдье меня совсем не тяготит, просто после Москвы к нему трудно сразу привыкнуть.

У райповского магазина стоял трактор. Тракторист с прицепа кидал на землю осиновые чурбаки.

— Отойди, Нюрка! Не мешай! А то зашибу ненароком.

— А чего берёзовых-то не привёз? — в синем халате на куртку продавщица Нюрка недовольно кривит губы.

— Значит нету!

Была суббота, как говорят местные, банно-стаканный день.

Скоро по деревне начнут топить бани. Сначала будут мыться мужики, пока есть настоящий пар, потом бабы. Моются в Серёдкино долго, до самой темноты, а затем посвежевшие, разгладившиеся будут самоварничать, разговоры разговаривать о том, какая картошка сей год уродилась да сколь рыбы попало в сетки, пить водку.

За деревней расхлюпанная дорога перевалила косогор, потом свернула в осинник. На обратном пути из Озёр занудил обложной дождик. Небо стало низким, а пейзаж промозглым. Джинсы скоро вымокли и липли к ногам.

Евпатий Коловратий! У гостевой избы стоял забрызганный джип «Додж» с московскими номерами. Настроение сразу сдулось — вроде администратор Катя на этой неделе никого больше не ждала.

— Здорово, сосед! — улыбается здоровяк в натовском пятнистом камуфляже. — Где тут у тебя стаканы?

— Стаканов нет, в буфете где-то были чашки.

— Эдик, — рыжий протянул мясистую ладонь. В другой руке он держал бутылку «Немирова с перцем».

— Я вообще-то не очень.

— Не расположен? А с устатку и под дождичек. Поди, вёрст семь отмахал! — прилип Эдик.

Ну, куда было деваться: всё-таки соседи.

— Аа... Недолго давай. Только без фанатизма!

— Вот это по-нашему! На природе и не выпить! А то у меня Серёгу сразу сморило, как кровать с подушкой увидел, — Эдик заулыбался.

Мы выпили. Эдик до дна и с удовольствием. Я нехотя и совсем чуть-чуть.

— О чём грустим? — Эдик положил на хлеб толстый кружок колбасы.

— Да так, — ушёл я от ответа и тоже потянулся к колбасе.

Эдик вздохнул и разлил по второй. Я задумчиво жевал, пить не хотелось.

– Вадим! – гаркнул Эдик.

– Аа?

– Ну, давай теперь за разнообразие.

За это не выпить было нельзя. Я отложил бутерброд и поднял чашку.

– А ты, я вижу, это дело не очень любишь, – посмотрел Эдик на меня и подлил себе водки.

Я промолчал.

– А вообще по жизни чем занят? – не отставал новый знакомый.

– Ну-у...

– Художник? – подсказал гость.

– Почти, – улыбчиво петляю в ответ.

– Рыбу половить приехал?

Я отрицательно мотнул головой.

– Иконы? – не сдавался Эдик.

– Мимо. А ты? – пытаюсь перевести разговор.

– Чем я занят? – он прилично глотнул из чашки.

– Ну да, – киваю в ответ.

– Если всё рассказывать, водки не хватит, – он достал пачку «Винстона», сунул в рот сигарету, не торопясь прикурил и пустил кольцо дыма.

Теперь уже я сказал «понятно».

– Ладно, начнём воспоминания, – улыбнулся Эдик. – Я операторский во ВГИКе закончил, успел поработать на паре картин, а когда самое важное из искусств накрылось медным тазом, занялся с приятелем коммерцией. Про иконы слышал что-нибудь?

– Ну-у, так...

– Друг у меня школьный, Виктор, человек без вредных привычек, но с бородкой, говорит: давай-ка, Эдик, займёмся лучше коммерцией. Устроились мы с ним разъездными телерадиомастерами. Стали мотаться по провинции, иконы полными багажниками возить в Москву, а между делом «Рекорды» чёрно-белые чинили бабкам в деревнях. В Москве на Полянке тогда в церквих одной государство официально у населения иконы

принимало. Вот народ и наладился таскать старину всякую. Всё официально. В Разноэкспорте принимали по паспорту и деньги тут же платили, откуда взял, не спрашивали. Иногда менты наезжали, а на входе всегда ушлые ребята маячили, типа, коллекционеры. Отфильтровывали поток.

– Эх, сколько мы тогда ползгали деревень на «Ниве», кто б знал! – докурил Эдик. – И везде одно и то же – винице хлещут всем колхозом, церкви заколоченные стоят – заходи, бери. Всем всё до лампады. Помню, забрались мы в костромскую глушь, в тамошнем сельпо только паста томатная и баранки на всех полках, а в стороне брошенная деревня дворов под семьдесят. Прикинули по карте – ехать всего сантиметра полтора. В избах всё скользкое от плесени – мебель расписная, самовары. Одной только медной посуды целый мешок собрали. Представь, церковь из крапивы выглядывает, вместо окон – дыры, а иконостас цел, все три ряда, только у Богородицы на лице топором зарубка сделана. Сели у костра, покурили и давай урожай собирать. Не поверишь, целый «ЗИЛ» сто тридцатый гружёный иконами вывезли! – переводил воспоминания в слова Эдик.

Обстановка была алкогольно-ностальгической.

– Ну, мы будем сегодня снимать кино? Или мы не будем сегодня снимать кино? – Эдик снова держал в руке чашку с перцовкой.

Чокнулись. Я пригубил, он прилично отхлебнул, красоты за окном сразу прибавилось.

– Сильно, – соглашаюсь с Эдиком.

– Сидеть в городе не моё – кайфа нет.

– С тех пор так и катаетесь с подельником?

– Подельником? – он захотел весёлый от выпитой перцовки. – Нет, подельник после одной истории всё бросил, уехал в Канаду и там пастором католическим стал! Во сюжет, прикинь?!

– Кинематографично, – соглашаюсь с Эдиком.

Он одним глотком допил свою перцовку, закурил и не долго ушёл в себя.

– Может, чаю?

– Давай, – кивнул Эдик и продолжил:

– Так вот, как сейчас помню: на дворе октябрь, мокро, уныло. Неба вообще нет – какая-то серая плита давит сверху. Мы с Виктором с августа колесили по северку. Спали урывками, ели как попало, чаще на ходу, прямо в «Ниве». Ещё в Москве узнали про один скит заброшенный. Потом местные подтвердили, что стоит на озере часовня, и иконы в ней есть, ещё не растащили. Ну, мы решили съездить. Виктор водил машину хорошо. «Как это не проедем?» – говорит. А местные нам: «Смотрите, ребята. Дожди прошли, не просохла дорога». Ладно, говорю, давай погнали! «Смотрите, ребята, завязнете, придётся трактором дёргать», – пугали местные.

Дорога старая, по ней раньше лес вывозили, а теперь местные на Горелое болото за клюковой ходят, но это близко – километров семь от посёлка. В общем, едем, дорога какая-то размякшая, с лужами, но вполне ничего себе. Ты чего такой вялый, Виктор? – интересуюсь у друга. «Бок третий день не проходит». Ладно, вот дело сделаем и на зимние квартиры. Проехали километров семь, дальше дело пошло хуже – дорога какая-то хромая началась, вода натекла в длинные колеи, колёса пробуксовывать начали, «Ниву» таскает то влево, то вправо. Часто останавливаемся, набираем сушняку, заталкиваем хворост под утонувшие колёса, буксуем и дальше. Всё, говорю, давай здесь машину оставим, а дальше пешком. «Доедем», – Виктор крутит барабанку, а сам бледный. Как бок? – «Болит». – Точно доедем? – спрашиваю. Виктор молчит и барабанку крутит. Примерно километра через два «Нива» дёрнулась и медленно сползла в колею, сели глухо. «Приехали!» – отвалился от барабанки Виктор.

Под моросящим дождём тащим мокрый валежник, сучья, бросаем под колёса, Виктор газует, я раскачиваю, толкаю «Ниву». Потом беру толстую берёзовую вагу, пытаюсь хоть чуть-чуть приподнять машину. «Ну, всё! Хорош! Заканчивай грыжу наживать! – злится Виктор. – Тут трактор нужен!» Стою весь грязный, и дождь вокруг так вкрадчиво шуршит, как сейчас помню.

«Чего-то мне совсем фигово, бок сильно болит, – говорит Виктор. – Похоже, не дойду до посёлка, давай сам, а я в машине

покемарю». Делать нечего, пошёл я обратно в посёлок, а это километров пятнадцать.

Сначала по дороге лужи обходил, боялся поскользнуться на глине, потом увидел тропу, зашагал быстрей. Тропа умятая – хвоя и жухлый лист. Отмахал до заброшенных полей. Потом через кусты попёрся, наткнулся на речку, пока перешёл, набрал полные сапоги. В общем, часа через три вышел в посёлок. Стучу в первый же дом. «Не заперта дверь-то!» – кричит оттуда какая-то тётушка. Захожу, спрашиваю, где тракториста найти можно, иду на другой конец села. У калитки берёзовые дрова свалены, рядом трактор, мужик чего-то мастерит в сарае. Я ему ситуацию рассказал, а он: «Всё ништяк, соляры только нет». А где достать можно? – спрашиваю. «Если только на трасе лесовоз поймать».

Я на дорогу. Поймал «Урал», он слил мне горючки. Завелись, поехали. Ну как сам? – спрашиваю Виктора. «Совсем хреново мне, Эдик».

Вернулись в посёлок, тракторист и говорит: «Жаль, банька не топлена, вам бы, ребята, сейчас в самый раз попариться. Тогда никакая простуда не пристанет». А затопить можешь? – спрашиваю. «Могу, только это часа три-четыре выйдет». – «Давай, заводи, лечиться будем».

Мужик пошёл баню топить, а мы сидим, телевизор глядим. Тут как раз жена его вернулась. Посмотрела на Виктора – она фельдшером в местном здравпункте работала, и говорит, в больницу Виктора надо, похоже, у него аппендицит.

В общем, пока я Виктора в больницу возил, мужик баню истопил. Я потом ещё раз пять с ним парился, пока Виктор после операции в леспромхозовской больничке лежал. Представляешь, у него ещё чуть-чуть и перитонит бы был. Тогда всё. Я у тракториста остановился. Мировой мужик оказался. Жил, как все – жена, дети, «запор» старенький, огород, лес. В Москве ни разу не был, Большой театр видел только на сторублёвках.

Из сероватых сумерек жидкими огнями смотрела деревня. Где-то рядом тявкала собака.

– Ты в Бога веришь? – неожиданно спросил Эдик.

– Наверно.
– А в судьбу?
– Верю.
– И я тоже, – Эдик смял пустую сигаретную пачку и бросил в печку. – Слушай, Вадим, а пошли в баню? Сейчас договоримся с кем-нибудь из местных, попаримся!

ЧЁРНО-БЕЛАЯ ЗИМА

Я просто стою у метро и смотрю, как метель закрашивает всё вокруг в белый цвет. Дома, деревья, скамейки на бульваре пухнут снежными воротниками. Вечернюю темень раскрошил жёлтый свет витрин и троллейбусов.

Сретенка еле ползёт в бензиновом перегаре. Люди спешат с работы. Два милицейских сержанта с укороченными «калашниковыми» на плечах покупают в ларьке сигареты и «кокаколу».

Я не рассчитал время и приехал слишком рано. Отсюда до нужного адреса минут пятнадцать ходу.

Вслед за рыжей дублёй перебегаю улицу на красный свет, сворачиваю в переулок. По нахоженной в неглубоком снегу тропинке мимо арок, подъездов, припаркованных легковушек спускаюсь в сторону Трубной. Тихо, только скрипят мои шаги.

Наконец переулок сполз к подъезду шестиэтажного доходного дома. Тяжеловатая эклектика с изразцами на фасаде напоминала о другой Москве, без метро и хрущёвок.

Лестница с истёртыми ступенями, старыми изогнутыми перилами. Бухнул сетчатой дверью лифта, поднялся на последний этаж. Выложенный коричневой и жёлтой плиткой пол, бубёнёк телевизоров.

Нахожу нужную дверь, давлю пальцем на кнопку звонка.

– Мы договаривались на шесть часов, – улыбаюсь немолодому мужику с быстрыми и какими-то беспокойными глазками.

– Да, да, проходите, мы вас ждём.

Квартира пахнет старой мебелью и пылью. В неряшливой прихожей громоздится здоровенный натюрморт Ильи Машкова с хорошо знакомой жирной подписью в нижнем углу. Целое состояние рядом с вешалкой.

– Неожиданно, – киваю на натюрморт.

— Машков был дружен с Наташиним отцом. Третьяковка всё собирается купить, но мы не спешим продавать, — суетливо улыбался хозяин.

Я знал, что папа хозяйки довольно известный художник и сын знаменитого московского архитектора.

Комната, куда меня проводил хозяин, была заставлена, зашвана антиквариатом. Фальк, Мильман в простеньких рамках, зыбкие, ускользающие акварели отца хозяйки. Целый угол пермогорских прялок, полыхающих фантазийными цветами, не то розами, не то тюльпанами и конями, запряжёнными в возки с лихими кучерами на облучке.

— Правда, какое чудо эти северные прялки? — вошла в комнату миловидная женщина с худым и каким-то выцветшим лицом.

— Отличные прясницы, — искренне соглашаюсь с хозяйкой.

— Сразу видно, что вы знаете Север. Только там бабушки ещё говорят прясницы.

Вежливый разговор, приятные улыбки — мы пока принюхиваемся друг к другу.

Посреди комнаты под абажуром стол с льняной скатертью. В центре старинная хлебница. Хозяин принёс бледную варёную колбасу на тарелке, открыл баночку сайры в масле, поставил бутылку водки, разложил хлеб.

— Пусть хлеб из булочной, но хлебница должна быть старинная, фарфоровая, лучше гарннеровская, — посмотрела на стол и перевела взгляд на меня хозяйка. — Ну, давайте за знакомство!

После нескольких рюмок водки стало как-то уютно и захотелось поговорить.

Хозяева оживились, раскраснелись, даже помолодели и стали вспоминать, перебивая друг друга.

Он трижды ставил чайник на плиту, подливал кипятку в заварку. Она пододвигала ко мне вазочку с мятными пряниками.

— Когда мы только поженились с Наташей, решили поехать на Север. Надо же свою страну посмотреть. Помню иконы

в вологодском кремле, потом огромные стены с башнями Кирилловского монастыря. Тишина, никого, заходи — смотри. Я фотографировал, Наташа рисовала. Потом она мне говорит: поехали в Ферапонтово смотреть фрески Дионисия. Вышли из автобуса километра за два, прямо в поле. А оно всё цветёт — июль месяц. И кажется издалека, что монастырь будто парит над землёй.

В храме прохладно, солнце пробивается сквозь окна. Жаль, я почти не знал, кто написан на стенах. Вижу Христа, вижу Богоматерь, и всё.

Вышли на улицу, а там бельё сохнет на верёвке, мальчишка играет на траве. Рядом озеро, дальше село.

Ну вот и стали мы с тех пор каждый год на Север ездить. Приедем куда-нибудь — бараки, сараи, в сельпо макароны и мыло. Думаешь: господи, чего приехали в такую даль, чего дома в Москве не сиделось? А потом как-то вдруг покажется из-за леса церковь или монастырь. Стоишь и смотришь на эти ржавые купола без крестов, потом внутрь войдёшь, а там всё порушенено. Постоишь, прислушаешься и кажется, что вокруг поют...

Ну, мы люди не церковные, нас просто тянуло всё это увидеть. Помню, под Каргополем стоит деревянная церковь в поле, одна одинёшенька, вокруг ничего нет. Мы зашли внутрь, и луч солнца через выломанное окно светит прямо на разрублённую икону.

— А иконы когда собирать начали? — смотрю на хозяйку.

— Приехали мы в шестьдесят втором на Мезень в Кимжу. Всё как всегда: я рисую, Юра снимает. И стали замечать, что за нами кто-то следит и уж очень непрофессионально это делает. Какой-то мужик с бородой. Юра на третий день подкараулил его у реки и спрашивал: что вы за нами всё время ходите? Тот смущился, стал извиняться. Оказался местный батюшка. Его недавно назначили, а до этого он на флоте служил, капитан третьего ранга, подводник. Он нам потом рассказывал, как местных старух напугал, когда в деревню сплавился по реке на плоту в тельняшке под рясой. Оказался очень хороший

человек. Говорит: вижу, вы издалека приехали, стариной интересуетесь, а у меня в церкви на чердаке икон много старинных скопилось.

Традиция такая была: когда человек умирал, родные иконы в церковь приносили. Вот за два века их и набралось.

Он потом привёл нас на чердак и говорит: берите всё, что понравится. Всё равно пропадут, а так ещё послужат.

Мы спрашиваем, а из музея приезжали? Были, говорит, но давно очень, что-то в Ленинград забрали.

Мы три дня на чердаке безвылазно провели в пыли, сидели, выбирали.

– Наташа у нас искусствовед, многих известных реставраторов знает, она и выбирала, а вечерами мы на них заклейки ставили, чтобы краска не осыпалась. Не хотелось в Москву голые доски привезти. Потом наши друзья реставраторы их привели в порядок.

– Пойдёмте посмотрите, – пригласила хозяйка.

Среди почти трёх десятков икон сразу бросился в глаза Никола семнадцатого века. По золотому фону иконописец разбросал васильки и полевые гвоздики.

И ещё одна икона врезалась в память – Троица новозаветная с мужиковатым Саваофоном в валенках.

– Вы были в Кимже? – спросил хозяин.

– Прошлым летом с приятелем.

Я вспомнил северное лето, поле, покато убегавшее к деревне. Старые избы, бревенчатую церковь с колокольней, заскорузлую на ветру реку. И над всем этим простором застиранное голубенькое небо. Мы ходили от избы к избе, пока смешливая тётка с простым лицом не сказала: идите, робята, к Иван Аполлонычу, вон в ту избу.

В огороде мы увидели помятого мужичка. Лицо испитое, щетина, синие глаза и добрая улыбка.

– Пойдёмте, – выслушал он нас.

В избе на другом конце деревни стол, покрытый замурзанной клеёнкой, ходики на стене, тусклый самовар с мятым боком и чугунок на плите.

– Самовар-то завести сможете? Попьёте, москвичи, чаю настоящего.

На растопку самовара он принёс с повети треснувшую прялку с облезшим рисунком.

– Теперь вот только на растопку сгодится прясница, – прислонил её к печке.

– Денег я с вас не возьму, живите так, робята, – на прощанье сказал Иван Аполлоныч.

Малиновая на закате Кимжа. Заколоченная церковь, рядом в траве гниёт брошенная лодка. По изжёванной колёсами улице идут домой коровы. Сзади стучит сапогами по деревянной мостовой сосредоточенно угрюмый пастух. В лодке у берега сидит бабка и удит рыбу. К концу лески привязана трёхлитровая банка с обмазанным хлебным мякишем горлом.

– Бабушка, а как ты рыбу ловишь интересно?!

– Обыкновенно. Рыбёшка хлебушек-то объедает и в банку сама заходит.

– Бабушка, а можно тебя сфотографировать?

– А на что тебе?

– На память.

– А вы из каких краёв будете? С Москвы? Вот хлебца возьмите, робята, у нас скусный хлебушек-то пекут.

Вечер мы с приятелем просидели у самовара. Грузинский чай, заварной чайник со слегка отбитым носиком, бабкин хлеб...

– Как-то теплее жить, когда знаешь, что есть на свете такие люди, как эти северные старухи, – раскладывает хозяйка на столе сделанные мужем чёрно-белые фотографии с усохшими старушечими лицами. В своё время он сделал себе имя на русской провинции, стал часто выставляться, ездил по приглашению работать в Америку.

Хозяин плеснул остатки водки в рюмку и выпил сам с собой.

Помешиваю ложечкой остывший чай, слушаю, смотрю на хозяев, потом на картины с прялками, и квартира кажется мне

какой-то ненастоящей. Множество деталей никак не складываются в одно целое.

Потом они вспомнили, как из лесной часовни тащили через болото тяжеленную храмовую икону, испугавшись шумной компании туристов.

— Мы подумали, что они запросто могут сжечь часовню, — хозяин вынул сигарету из пачки, размял её пальцами, прикурил от зажигалки.

— Они были пьяные, — вставила хозяйка, — мы их ещё у магазина видели. Знаете, сколько таких часовен сожгли просто так. А теперь эту икону хотят купить сразу два музея — ваш и вологодский.

— Ну, что скажете?

— Не часто встретишь такой сюжет, — внимательно разглядываю написанную на толстых сосновых досках большую житийную икону Александра Ошевенского.

— Да, икона очень редкая. Вот мы и решили: пусть музей купит.

Хозяева улыбаются мне на прощание. Он смотрит на жену, не моргая, каким-то нежным взглядом. Два давно немолодых человека, изъеденных жизнью. Фотограф и искусствовед.

На улице подмораживало. Я подхватил горсть мягкого снега, поднёс ко рту, но есть, как в детстве, не стал. В подземном переходе у метро пенсионер коверкал на баяне «вальс бостон» Розенбаума, рядом стоял пьянейший парень, курил и внимательно слушал.

РЫБИЙ ДЕНЬ

Через коренастые сосняки, мимо озёр с болотами целых семьдесят километров кривилась грунтовка от станции до поморской деревни.

— Приехали! — подмигнул мне водитель и достал из кармана мятую пачку «Примы».

Знакомая с прошлых лет картинка — избы, сельсовет, трёхвальный трактор — впечатывалась в скалы. Вдоль залива настилом из горбылей пружинила единственная улица. Над водой с надрывом голосили чайки...

Перед магазином сидела рыжая собака и охраняла чей-то велосипед.

— А мы тебя только к вечеру ждали, — улыбается Паша.

Добрые серые глаза на загоревшем лице, обрезанные по щиколотку резиновые сапоги на босу ногу.

— Попутку быстро поймал.

— А я смотрю, вроде ты, — он надевает солнцезащитные очки в пластмассовой оправе.

— Красавчик.

— Воскресенье — жизнь в розовом свете! — смеётся помор.

— Тебе, — протягиваю пачку «Винстона». — Остальные в рюкзаке.

Повертел пачку, Паша вытряхивает сигарету, закуривает, глубоко затягивается. Ветерок сносит облачко табачного дыма в сторону.

Рядом с заколоченной Никольской церковью, как и год назад, серые комья овец щиплют траву. Сосновые бревна, сваленные у магазина, пахнут смолой.

Грубоватая поморская повседневность.

Помню, как первый раз пытался узнать у местных название храма.

– Как церковь называется? – улыбаюсь тётке в галошах на толстые шерстяные носки, развешивающей во дворе рядом с церковью бельё.

– Церковь.

– Вижу, что церковь. А называется как?

– Я же тебе говорю: церковь! – удивляется тётка.

– А название у церкви есть?

– Глухой что ли? Говорю ж тебе! Говорю, церковь! – никак не понимает моей бестолковости тётка.

– Пошли в избу, мама рыбников напекла, – прервал воспоминания Паша.

Под ногами всё время радостно мешалась собака.

– Твоя?

– Моя. Ещё прошлой осенью, как ты уехал, сестра с Петрозаводска привезла, – Паша ласково потрепал собачий затылок. – Как столица?

– Осваивает бюджет.

– Как жизнь, Паша?

– Это только у матросов нет вопросов. А у нас их на валом, – смеётся в ответ.

Он с матерью жил в большущей избе. Если верить табличке на стене, дом охранялся государством как памятник архитектуры второй половины девятнадцатого века.

Как и прошлой осенью, на шершавых бревнах сидит заряженный Олег с дурацким серьёзным лицом, рядом роняет голову на грудь Максим – оба вчера вернулись с тони. Курят что-то с фильтром, разговаривают вполголоса.

– Привет, Москва! Опять к нам?

К моему приезду готовились – пахло чистотой. Младшая сестра, приехавшая домой в отпуск, вышаркала до блеска всю избу. На подоконнике рядом с горшком герани лежала пушистая кошка и смотрела на меня умными жёлтыми глазами. За окнам, как рубанок по дереву, через ультрамариновый залив скользила колхозная добра. На краю стола пыхтел электрический самовар, на тарелке лежали свежепосоленные сиги, рядом – миска сиговой икры с кольцами лука и подрумяненный рыбник.

Я усилил натюрморт бутылкой водки.

Евгеша с Пашей быстро обрезали третью бутылку и вышли покурить, я следом.

– Удачное было лето?

– Уловистое. Хорошо попадало, – раздумчиво дымили братья «Винстоном».

За огородами на косматых водорослях лежали обсохшие карбасы. Море откатило, обнажив грязноватое, скользкое дно. Как будто и не уезжал – вокруг та же картинка, те же лица, те же разговоры.

– Слыши, Вадим, – дымит Паша в мою сторону, – в ту среду ночью в Сонручье на тоню заходит какой-то мужик и с порога спрашивает: «Рыба есть?» Олег спросонья: «Скока надо?» – «А у тебя много?» – «Да пять рыбин!» – «Давай всё!» Олег пихает ноги в сапоги, бежит на улицу, приносит припрятанную сёмгу. Интересуется у мужика: «Взвешивать будем?» – «А как же, обязательно будем!» – и тут мужик вытаскивает корочки рыбнадзора. А остальные, суки, притаились у избушки! Составили протокол, рыбу забрали, Олега штрафанули, пообещали билет отобрать, если будет рыбу налево продавать.

– Лёгок на помине, – смеётся Евгеша.

– Паш! Кредитни бензинчику – завтра на тоню, а у меня бак пустой, – чавкает к нам броднями по обсохшему дну Олег.

– Так в колхозе выдавали в начале месяца, – щурится Евгеша.

– Выдавали, – не спорит Олег. – Так что с того. Уже нету. Паш, ну чё?!

– Ладно, подходи утром.

– Слыши, корреспондент, сфоткай меня! – залип перед моим носом общительный Олег.

– Фоткалку ещё не распаковал, в рюкзаке лежит.

Деревенские за то, что я всё время фотографировал, прозвали меня «корреспондентом».

Где-то во дворе булькало на костре рыбное варево для собак – вечер неотвратимо заполнялся ароматом ухи. Пейзаж густел вечерними тенями. С моря тянуло прохладой.

– Ну, что, Вадим, завтра из сёмги ухи похлебаем, если попало что за выходные, – лыбится Евгеша. – Помнишь свою первую поморскую уху?!

Ну как такое забудешь.

В тот первый приезд меня ошеломило буквально всё: неразбавленный ультрамарин моря, лобастые валуны, наваленные повсюду, сизый плавник по берегам. Коты, дожидавшиеся рыбаков на причалах; рыбачки сети на вешалах; чайки над заливом и церковь на скале.

Стоило отойти от деревни – ни звука не доносилось ниоткуда. Так печально-хорошо было. Перед глазами плыли, наслаждались картинки. В душе творилось что-то неповторимое.

Жил я в колхозной общаге, соседи не донимали. Целыми днями снимал море, камни, вечерами непривычно длинные закаты с обгоревшей окалиной облаков. А ночью битым стеклом мерцали на небе звёзды. Время вязло и останавливалось. Хотелось, чтобы это никогда не кончалось.

По выходным в деревне стоял пьяный бубнёж поморов, которые всё лето и до поздней осени ловят рыбу, шкерьят рыбу, солят рыбу, едят рыбу, говорят про рыбу.

По всему колхозному берегу, от Сухой губы до Лобской, в немногочисленных избушках-тонях рыбаки варят уху и пьют крепкий чёрный чай под байки про всё ту же рыбу. На выходные они возвращаются в деревню, парятся в бане, пьют водку и опять разговаривают про рыбу. Даже собак кормят рыбным варевом из трески, пингипров, зубаток. Рыбе подчинена вся здешняя жизнь.

За неделю исходил окрестный берег, излазил скалы, обогнул крохотные заливчики, даже позагорал. Пару раз встречал шумного мужика в офицерской рубашке с весёлым взглядом. Когда опять увидел его у сарайя, подошёл, поздоровался и с ходу попросил взять меня на тоню, посмотреть, как ловят сёмгу.

– Это будет тебе дорого стоить! – выпятил мужик живот, который и без того уже вываливался из рубашки.

- Готов нести расходы.
- Магазин знаешь?
- Сколько брат?

– А скока унесёшь!

– Ну, я за топливом?

– Валай, пока я не передумал.

Так я познакомился с Евгешей.

Затарившись двумя поллитровками, уселся возле сарая. Под навесом сохла прорезиненная рыбакская куртка оранжевого цвета – рокон – и такие же штаны – букисы.

– Помогай! – помор нёс к воде сумку с домашним хлебом, топор, ведро картошки.

Погрузили всё добро в карбас, сверху мой рюкзак.

– Греби, давай к дёре! – уселся он на корму.

Я послушно зашлёпал вёслами по воде. Перегрузили всё в стоявшую на рейде колхозную дёрну. Евгеша проворно выбрал якорь, обтёр руки ветошью, запустил движок – терпко запахло соляркой. Бутылочного цвета вода побежала назад, за нами увязались чайки.

Выскользнули сначала в узкий неглубокий проход между деревней и островом Лесоватый. Слева по борту остались два маленьких изломанных заливчика. Далеко впереди высокий словно литой скалистый берег, мысом заползавший в море.

– Тоня Большая, – показал Евгеша пальцем на две избушки у самой воды. – Первая по этому берегу, потом будут Пурнаволок, Крестовая, Сонручей и наша Шаромбуги.

Незнакомые названия приятно будоражили воображение. Холодный ветерок забирался под куртку. Голый каменистый остров ненадолго накрыл нас своей тенью. Дёрну слегка покачивало, как на ухабах. Ветер рвал на мачте выцветший флаг. От воды тянуло холodom, но в рубке было тепло; пахло соляркой, рыбой и водорослями.

– Фотографируй! – расщедрился Евгеша. – Места у нас красивые, все художники с Ленинграда раньше приезжали рисовать.

Почти сорок минут мы шли до дальнего мыса, дёра лениво переваливалась с волнами на волну.

– Пурнаволок! – Евгеша ткнул пальцем в сторону двухэтажной блочной коробки с паутиной антенн, мачтами. К деревянной вышке прирос часовой с автоматом. Поодаль несколько

бойцов вяло пинали мяч на фоне наглядно выцветшей агитации. Два офицера в зимних бушлатах укладывали сети в моторку. Один из них помахал нам рукой.

– Связисты, – прокомментировал Евгеша.

Впереди блестела на солнце мятая каменная глыба с парой больших деревянных крестов на макушке.

– Что за остров?

– Карбас Луда. Здесь треска хорошо попадает, вояки всегда у острова сетки ставят.

– А что за кресты?

– Не знаю, давно стоят. Ещё отец мой с мужиками ставили на месте погнивших.

Евгеша сделал большой крюк, обходя остров со стороны открытого моря, чтобы я смог поэффектней сфотографировать.

За Пурнаволоком берег стал ниже. Топорщился скелетами горелый лес с лиловыми пятнами иван-чая.

– Байдарочки лет семь назад костёр оставили незагашенный, так потом мы с вояками три дня пожар тушили.

Наконец добра зашла в большой залив и встала на якорь довольно далеко от берега.

– Конечная! Шаромбуги! – Евгеша наслаждался произведённым на меня эффектом. – Мы с Пашкой сей год тут рыбачим.

Рядом с избой на вешалах сохли сети. Загорелый парень в тельняшке и оранжевой робе споровисто погрузил в карбас несколько серебристых поленьев сёмги, сел на вёсла и стал выгребать в нашу сторону.

– Паша, давай быстрей! Надо успеть рыбу сдать на склад, а то Ванька закроется скоро.

– Сбегаешь ещё разик со мной в деревню? А потом сюда вернёмся, – весело предложил Евгеша.

– Конечно!

Евгеша торопился, добра споровисто прошла мимо Карбас Луды в сторону деревни. У засиженных чайками камней покачивалась на волне «казанка» – офицеры-связисты ставили сети.

Перед самой деревней мы вильнули в залив. У раскрытой двери сарай курил широколицый мужик в кроличьей шапке.

– Чё так долго? Я уже уходить собрался! – недовольно крикнул кладовщик Евгеша.

– На таком движке не больно разгонишься! Давай принимай!

Мужик ловко поймал разлохмаченную чалку, намотал её на лом, вбитый между камнями. Евгеша быстро перетаскал рыбу в амбар, кладовщик взвесил, записал в тетрадку.

– Щас по-быстрому смотримся в деревню – надо родственников забрать и обратно на тоню – чай пить, – Евгеша с налипшей к сапогам перламутровой чешуйой снова встал за штурвал.

Минут через пятнадцать отшвартовались напротив Никольской церкви.

– Подожди, я скоро! – Евгеша, стуча сапогами, ловко перескочил в карбас, который всю дорогу болтался у нас за кормой на толстой верёвке.

Оставшись один на дёре, я с упоением снимал из заливчика Никольскую церковь, телят и деревню с банями и карбасами на переднем плане.

Наконец на берегу появился Евгеша. Матерясь тенорком, он вывел на берег двух пьянящих мужиков в зимних офицерских бушлатах. Под Евгешину матюки мужички долго и бесполково грузились сначала в карбас, а потом пересаживались в дёру. Наконец Евгеша встал за штурвал. Вода под смолёным носом дёры зажурчала и запенилась. Деревенька потихоньку удалялась.

Родственнички мешались где только могли. Второй – Вова – вскоре захрапел на корме, а здоровенный Вася с ручищами, как чайники, втиснулся в рубку и всё порывался рулить. Евгеша визгливо выставил родню на свежий воздух.

Вася, не долго думая, растолкал Вову, вдвоём они по-быстрому подрезали полбутылки водки и через какое-то время уже в открытом море долго писали мимо борта прямо на палубу и на собственные сапоги.

– Што ж вы так нажрались?! До тони дотерпеть не могли? – раздражённо морщился Евгеша.

– Сынки!!! Дембель неизбежен!!! – горланил Вася, когда добра проходила мимо воинской части, и семафорил бойцампустой бутылкой. Те грустно провожали нас с берега.

Дёру покачивало, поскрипывали деревянные борта. Пьяные Евгешины родственники поднадоели, хотелось побыстрей добраться до тони.

Наконец бросили якорь. От избушки отвалил карбас с Пашей. Ещё через несколько минут мы стояли на берегу. Паша остался у воды шкерить сёмгу на уху, мы вчетвером пошли в избу.

Евгеша сноровисто растопил печку, достал из сумки домашний хлеб, чай, сахар, я вытащил две бутылки водки – Вася с Вовой повеселели. Евгеша взял ведро и отправился за водой.

– Ну, москвич, щас попробуешь настоящую поморскую уху! – пообещал Вася. – Это тебе не ваш рыбный суп!

Евгеша опустил в кипящую воду семужью голову, жабры, немного печени и бросил щепоть соли.

– Клади больше! – прогремел шебутной Вася. Схватив миску, он неожиданно вывалил в воду всю печеньку.

– Не многовато?

– Да ты чё?! В самый раз! Это у вас там, в Москве, наложат картошки, специй всяких и думают, что уха! А это – рыбный суп, а не уха никакая! – громил Вася в моём лице всю «рыбную само-деятельность» столицы. – А мы, поморы, настоящую уху варим просто: из головы, плавников с жабрами и печени! А рыбу уж отдельно! И едим после ухи. Понял?!

Скоро в избе тошнотворно запахло расплавленным рыбьим жиром. Печка душила дымом из многочисленных щелей, на столе соляркой чадила коптилка. За мутными стёклами выдыхался закат.

Паша громко расставил миски, положил на грязную клеёнку алюминиевые ложки, нарезал хлеб. Евгеша водрузил в центр стола закопчённый котёл с ухой. Янтарный блин рыбьего жира покачивался на поверхности, из-под него таращила вываренные глаза раздувшаяся рыбья голова.

Бригадир Евгеша разлил по кружкам. Мужики с оттяжкой кинули водку в рот.

Без водки уху хлебать было нельзя – организм категорически отказывался принимать рыбий жир.

– Ты чё, москвич, прибздевши?! – давил меня взглядом Вася.

Бригадир разлил по второй.

– Ничего ушица, наваристая, – шмякнул пустую кружку на стол Вова.

– Бункеруй, не жалей! – Вася пододвинул миску за добавкой.

Судя по ощущениям, уха с водкой распределились в организме слоями: толстенный слой рыбьего жира и где-то глубоко под ним тонюсенькая прослойка водки.

В избе стало жарко и накурено; пьяный разговор перескакивал с темы на тему. Мысли бестолково разбегались, водка ударяла в голову.

Разговорились. Вася с Вовой оказались неплохими мужиками: Вася строил жилые дома в Петрозаводске, про него даже писала республиканская газета. К поморам Вася никакого отношения не имел – он родился в Ленинградской области на реке Оять, в лесном краю. После армии пошёл работать на стройку, женился на Евгениной с Пашей сестре, с которой они родили двоих детей.

Вова тоже человек не поморский, служил старшиной сверхсрочником гарнизонного оркестра в Петрозаводске – барабанил в барабан. Работа не обременительная: до обеда он отбывал воинскую повинность на репетиции, а потом бомбил по городу на своей «четвёрке» или халтурил на похоронах. Женат он был на другой сестре Евгени и Паши.

Деревенская родня Вову ценила – он снабжал их разнообразным вещевым имуществом с распродаваемых армейских складов. Евгеша с Пашей щеголяли в офицерских полуспортивных брюках с красным кантом, форменных рубашках. На случай дождя они были экипированы прорезиненными костюмами химзащиты. Зимой в деревне братья красовались в бушлатах

с цигейковыми воротниками и новеньких офицерских ушанках. Евгеша любил поскрипеть в клубе хромовыми офицерскими сапогами.

Вася шумно дохлебал уху, Вова вяло шкрябал ложкой по дну миски.

Паша принёс отварную бледно-розового цвета сёмгу.

– Слыши, москвич, у тебя ничего не завалялось? – бурошив меня взглядом неутомонный Вася.

– Паша! Давай неси чайник! – распорядился бригадир.

Ни водка, ни деликатесная отварная сёмга, ни крепкий чай так и не смогли отшибить вкус васиной ухи – меня мутило...

– Ну чё, москвич, теперь знаешь, что такое настоящая поморская уха?!

– Теперь знаю.

Казалось, ещё чуть-чуть и моя собственная печень взорвётся, а рыбий жир ручьями хлынет из ушей.

– Детям будешь рассказывать! – шумно допил Вася из миски остатки.

Покончив с чаем, Вася завалился на нары и захрапел, с других нар ему вторил Вова.

Я было улёгся рядом с Пашей, но понял, что поспать не получится – мешали протестующие внутренности.

Сидеть в накуренной избе выходило плохо, и я подался на свежий воздух. Следом появился Паша. Он насобирал тополяк здесь же на берегу, и через несколько минут костёр уже потрескивал искрами в ночи.

– Ты как? – поинтересовался я у Паши.

– Мутит, – признался он.

– Меня тоже. Ну, Вася...

– Что-то не спится, – сообщил появившийся Евгеша. – Вы как, мужики?

– Не очень, – вздохнул я.

– А где родственничек? – грустно поинтересовался Паша.

– Храпит. Чтоб я ещё раз доверил ему кашеварить! – Евгеша прикурил от головешки.

Мы втроём сидели у костра, пока на востоке не зарозевело. Ветерок натащил откуда-то облачков и немного раскачал море.

– Как бы шторма не было, – забеспокоился Паша.

– Не должно, днём подтихнет, – успокоил старший брат.

Я хрюстал сапогами по прибрежной гальке. Грязноватой полосой в сторону Пурнаволока уходил берег. Три жёлтых пятна прожекторов напоминали о дислоцированной неподалёку воинской части. Походив по берегу, вернулся к костру.

– Выпить не осталось? – дверной проём избушки заклинил мощный силуэт Васи.

– Охерел совсем! Водка в магазине, магазин в деревне! – выкрикнул Евгеша.

– Пашка! Днём сплаваем в деревню?!

– Бензину дашь, сплаваем.

– Ты б лучше крыльцо сделал, помор херов, давно ведь обещал! – громко злился Евгеша на родственника.

– Где тут у тебя пила, молоток, гвозди? – как ни в чём не бывало спросил Вася.

– Ищи, были где-то. Топор, точно помню, из деревни привозил.

Кто б подумал? За пару часов Вася приладил к избушке крыльцо с навесом. Работал весело, споро, изредка выкрикивая: «Пашка! Держи! Давай!»

Пашка держал и давал. Крыльцо вышло на все пять. А то и с плюсом.

Костёр трепыхался бледными языками пламени почти у самой воды. Громадным одеялом морщнилось море. Шёл прилив. Морская синь ломила глаза, как безыскусный детский рисунок. Тихо, безлюдно.

Сейчас, спустя почти двадцать лет, мне немного грустно обо всем этом вспоминать. Грусть часто подсказывает развязку, а я... Я смотрю на свои поморские фотографии той осени – на них ещё живые Евгеша и Вася. Иногда мы перезваниваемся. С Пашей... Он женился и перебрался с женой и детьми

в райцентр. Последние лет шесть как умерла мама, в Гридино он не приезжал.

Евгешу схоронили на деревенском кладбище. Васю – в Петрозаводске...

Вот такой конец у этой веселой истории.

Впрочем такой же, как и все остальные концы.

И СОТВОРИ ОБИТЕЛЬ

Соловки. Картина по памяти

За окном вечерело, смеркалось, моросило. По потолку железнодорожной общаги скользили отсветы фар редких машин.

На сентябрьском ветру шевелились голые ветки деревьев. Разбитые мостовые, ларьки. Кемь была скучной.

Утром короткая дорога упёрлась в заспанный посёлок Рабочеостровск.

Почти у кромки воды огурцы под плёнкой, огороды с выкопанной картошкой, мелкие астры в палисадниках.

От края до края, заполнив весь горизонт, растекается стылый свинец Белого моря. Где-то там Соловки.

У причала одиноко стоит под погрузкой «Даурия».

Команда вместе с пассажирами превратилась в грузчиков. Со всеми таскаю на борт скользкие мешки с таиландским рисом. Скоро отлив, и надо торопиться.

Взмокшие мужики, изредка переговариваясь бесцветной матершиной, сноровисто заполняют трюм импортным грузом.

Кран опускает на палубу пакеты свежих досок. Все торцы промаркированы красными пятиконечными звёздочками и аббревиатурой USSR.

В спешке слишком много груза сложили на левый борт, и судно дало крен. Пришлось перекладывать.

Отлив медленно обнажал гнилые брёвна старого причала, того самого, по которому тысячи врагов народа прошли на перековку.

Дорога в ад...

Какая-то тусклая печаль.

Память вытолкнула Центральный Дом художника на Крымском валу и выставку монументальной скульптуры, расположенной на подступах к нему под голубеньким апрельским

небом. Над сталеварами-доярками пронзительно торчал крест, сваренный из двух железнодорожных рельс с распятым зековским ватником, ушанкой, штанами и бахилами.

Памятник тем, кого страна перемолола в лагерную пыль.

Только здесь на причале понял, как мне повезло с подвернувшейся «Дауреей». Ехал наобум, не задумываясь, как морем попаду на Соловки – запросто мог бы просидеть в порту незаметно сколько. Определённо повезло.

Ближе к вечеру закончили погрузку, какая-то азартная радость светилась на лицах, уставшие мужики смеялись-кашляли-курили. Две тётки то и дело опускали руки в карман курток, потом подносили их ко рту, с накрашенных губ на причал летела семечная шелуха.

– Первый раз на Соловки? – улыбался парень губастым ртом.

– Первый.

– Чё так поздно? Обычно все летом едут.

– Летом не вышло.

– Ну-ну, – ломая спички, закурил парень.

Над причалом горланили чайки, кошка откуда-то тащила тресковую голову.

Наконец вышли в море.

Кемь, железнодорожный вокзал с общагой, посёлок Рабочестровск с лесозаводом остались за спиной.

С дюралевых «казанок» несколько человек ловили треску.

Крашеное корабельное железо подрагивало под ногами, ровно гудел дизель.

Стую на палубе и нетерпеливо всматриваюсь в сторону Соловков. Сколько же я сюда собирался? Год, два?.. И чем чаще я думал про Соловки, тем сильнее хотелось попасть туда.

А тут вдруг сорвался в середине сентября, взял отпуск, сел в поезд.

Что приводило людей на Соловки?

Одних промысел Божий, поиск истины, царства Божьего, других насилино сгоняли сюда мотать срок. Теперь вот едут любознательные любители старины.

А что меня ведёт на остров?

Желание увидеть мир, где, казалось, была гармония. Точнее – увидеть только детали и фрагменты той жизни. И от сегодняшней тоже останутся какие-нибудь фрагментики.

Велик, долг и тяжек был раньше путь на Соловки.

Сейчас проще: из Архангельска или Кеми, самолётом или морем. Зимой только по воздуху.

Зарывшись по уши в капитанский ватник, запрятав руки в карманы, мёрзну на палубе. Всё вокруг постепенно заполняет ночь. За кормой, поперёк моря, тянется бирюзовая борозда, оставляемая корабельными винтами. С громким шорохом пошёл дождь.

Тяжёлая дверь нехотя пускает меня в надышанное корабельное нутро. Тесно, народ сидит везде. В правом верхнем углу бумажная иконка Николая Чудотворца.

Я там о человеке, о вечности, о Боге, а здесь житейская проза: стучат в домино, позёвывают, ноль семь водки на столе, пакет томатного сока, колбаса.

– Я, как в Архангельске швартовались, в «Волне» с корешами шампанское пил из пивных кружек, – кривил губы в улыбке мужичок в растянутом свитере.

Пассажиры часто выходили в ночь курить сигареты-папиросы.

– Скорей бы дойти до острова, – неудобно присаживаюсь на свой рюкзак.

У самых Соловков всё увязло в киселе тумана. «Даурия» застопорила ход. Время остановилось. Народ заёрзal, завздыхал – всем хотелось домой, чтобы скинуть надоевшую за день обувь, сесть ужинать и лечь спать. Капитан, бородатый, с хозяйственным лицом, не торопился принимать решение. В наступившей тишине было слышно, как он отдавал распоряжения.

– Вроде развиднелось маленько, – с надеждой сказал парень, вернувшийся из ночи.

– Фёдорыч?.. – улыбнулась капитану тётка с некрасивым лицом.

– Подождём, – хмурым баском отрезал капитан. По усталому лицу было видно, что ему тоже не терпится добраться до земли.

Дождик перестал. Сырую темень слабенько поджелтили пятна далёких огней.

— Соловки, — кивнул в ту сторону долговязый мужик.

Я ни о чём не думал, навалилась накопившаяся за день усталость, глаза слипались, и хотелось есть, с непривычки ныла спина.

— Ладно, чего на мокроте стоять, — докурил мужик. — Виши, море, как скатёрка, а туман густой пал. Хорошо, что ещё не штормит.

— Может, уговорят кэпа?

— Не-е, Фёдорыча не прошибить, — мужик потянул дверь на себя.

Ещё через час «Даурия» сдвинулась с места. И медленно пошла навстречу тёпленьким огонькам.

Соловки встретили деревянными бараками с печным отоплением, дровниками, запахами жилья и мокрого дерева. По мосткам вразнобой простучали подошвами утомлённые пассажиры и растворились в закоулках.

— Гостиница туда, сразу за пожаркой, — махнул вглубь острова моторист и обогнал меня.

В свете редких фонарей монастырь чернел огромной декорацией.

Глухая ночь. Глубокий сон.

К вечеру следующего дня выглянуло солнце и залило небо каким-то холодным светом, который бывает только на Севере.

Ещё почти неделю ходил я мимо монастырских стен, сложенных из красноватых валунов, на которых росли берёзки и жёлтенькие цветы.

В лужах проплывало опрокинутое небо, а в поселковой пекарне, работавшей прямо в обители, можно было купить хлеб, который на твоих глазах забрызганная веснушками молодуха вытряхивала прямо из горячих чугунных форм.

ПОМОРСКИЙ

Унежма. Картина по памяти

И было Белое море, лениво разлётшееся за лесом...

И была пустая синь неба над головой...

И был задумчиво тихий день вокруг...

Лес зудел комарьём.

Третий час хлюпаю взмокший сапогами сначала по издрыванной колёсами колее, потом по набухшему мху, где следы тотчас наливались водой. Очередная мшистая перина болота розовела неспелой клюквой и пахла вереском.

К концу лета в природе накапливается усталость, которую замечает глаз.

Шагаю в заброшенную поморскую деревню Унежму. Для меня это терра инкогнита — земля неизведанная. Конец августа, отпуск стали временем великих географических открытий для одного отдельно взятого меня.

Дорога, как и положено, была непроезжей, а потом и вовсе кончилась.

В буквальном смысле.

Всё, дальше идти некуда.

Есть время посидеть, отдохнуться, подумать о скоротечности жизни.

Правда, комары начисто отбивают философский настрой и подгоняют дальше к морю, где ветер их просто сдувает. Чешутся закусанные руки, шея, лицо.

Где у нас море?

Попробую, как советовал мужик, дойти до Унежмы по отливу. Наугад резко забираю вправо, ещё с полчаса обхожу краем какое-то рыжее болото с чахлыми соснами.

Интересно, километров десять одолел или...

Тишина до звона в ушах.

Дело шло к полудню.

Через станцию Унежма ежедневно проходит поезд «Вологда – Мурманск». Отсюда до поморской деревни более двадцати километров ходу.

С утра сизые посёлковые бараки, жмутившиеся на солнце окнами с геранью. Девушка в коротком платьице неуклюже прошокавшая каблуками по мосткам. Штабеля шершавых брёвен у станции. Цистерны с жирными подтёками на боках. Маневровый тепловоз, елозивший по путям взад-вперёд.

На станции сидели трое парней, скучно грызли семечки, тихий перемат.

В тридцатые годы здесь было полно лагерей, заключённые – пронумерованные винтики – под лай сторожевых псов и матюги конвойных прорубали в скалах железную дорогу. Враг напирал, стране нужна была победа любой ценой.

Многие потом остались.

Щуплый суетливый путеец долго объяснял дорогу на Унежму.

Ещё хорошо, какой-то грибник на мотоцикле подвёз километра три. Долго ковыляли с ним на «Урале» с коляской по колдобинам и лужам.

– Чем тут занимаетесь? – интересуюсь у него.

Брезентовая куртка на клетчатую ковбойку, щетина и пегрепар.

– Да кто чем. Водку пьют, уток стреляют, сетки ставят, клюкву на болотах собирают, – собеседник громким щелчком отправил окурок в лужу. – А ты в Унежму-то зачем?

– Поглядеть.

– Ну, погляди, погляди, – кривит губы в улыбке. Глаза какие-то наивно равнодушные.

– Дорога хоть какая-нибудь туда идёт?

– Дорога, дорога... Какая такая дорога? Выходи на море, на Сосновый наволок держи. Вот и вся дорога. Лучше по убылой воде морем идти, чем по болотам пихаться, – голос бесшабашный, с прокуренной хрипотцой. – На вот, спички возьми – пригодятся.

– А ты?

– У меня есть. Тебе вон туда, а я сейчас волнух нарежу и домой, мне сегодня в вечер.

Родина со всех сторон обступала лесом и болотами. Впереди было ещё две речки, про которые говорили мужики.

Ну, наконец! Тихое, словно в дрёме, море без линии горизонта, сливающееся с бирюзовым небом. Волны с тихим шипением лизали камни, потом волочились обратно в море.

У кромки травы шеренга крепеньких толстоногих подосинников.

Дурманящий настой из запахов: болотной прели, грибов, вереска, морских водорослей. Запах леса мешается с запахом моря.

Время здесь какое-то домотканое.

Костерок нехотя дымил тополяком, над котелком висел пар, и никаких комаров вокруг. Сижу на сучковатом тополяке, пью чай, смотрю на море. Ноги отдыхают от резины сапог.

Через полчаса огонь долизал головешки. К тишине промешалось какое-то отдалённое тарахтение. Ещё через несколько минут стал различать звук лодочного мотора.

Вдоль берега шёл длинный карбас. На корме сидел мужик в дождевике и ушанке. Ближе к носу угнездилась замотанная в платок баба. За ней виднелась плетёная корзина.

Стою у воды, призываю семафорию мужику руками.

Меня заметили, помор привернул карбас к берегу, заглушил мотор.

– В Унежму? – не верю своей удаче.

Мужик кивает, потом закуривает, пряча огонёк спички в ладонях.

– Повезло тебе, парень, – выпустил он носом струйки папиросного дыма, – а то б сидел ещё часов пять ждал, пока море отойдёт.

– Далеко до деревни?

– Не близко. Давай, садись, – он осторожно подгреб к самому берегу.

Закинув рюкзак за спину, осторожно, чтобы не черпнуть голенищем воды, перелезаю через борт.

Мужик развернул карбас, сильно стал выгребать против ветра, причмокивая вёслами, потом завёл мотор, и мы вразвалочку побежали дальше в сторону Соснового наволока. Назад неторопливо утягивались выглаженные морем прибрежные скалки, кое-где между ними топорщился сизый тополяк. Красноватые стволы сосен вдоль берега.

– Тут кругом тундра.

– Какая тундра? Болото по-нашему. По убылой воде можно во-он до тех островов дойти пешком.

Унежма – несколько никудышных, скособоченных изб на кочковатом лугу среди трёх скал, завалившийся на бок сруб церкви, фиолетовые метёлки иван-чая, в траве – рухлянь сгнивших карбасов. На выгнившем борту одного из них сидят две стрекозы.

– А когда-то людно народу было в деревне.

– А ты из этих мест?

– Нет, я из Малошуйки. У жены здесь бабка жила. Камбалку да наважку ловили, по убылой воде рюжи ходили проверять, а по осени селёдка косяками прёт. А вот сёмга сюда почти не заходит.

– Богатая была деревня?

– Старики говорили, что отцы их в Норвегу бегали морем. Кофий поморы в избах пили, это при царе-то.

На другом конце у костерка стоял кирпичный от загара мужик в выгоревшей майке и взглядывался в нашу сторону.

– Это местный?

– Какое там. Рыбаки летом живут, а осенью охотники гуся на перелёте бьют. Здесь из местных только старуха осталась.

– Что, и зимует здесь?

– А то.

Кошка мимо нас хищно-грациозно протащила серебристую навагу.

Почти до темноты ходил я по берегу, по стиральной доске морского дна, много снимал, разглядывал студенистых розовых медуз в лужах солёной воды, морских звёзд...

Вечером в темноте жарко горел костёр, наваристо кипел котёл с ухой. Курили, неспешно травили байки рыбаки. Над головой переливалось, мерцало, жило забитое звёздами небо. Огромная плоская луна таинственно высеребрила всё вокруг. Со всех сторон обступали тени навсегда ушедшей жизни.

В одну реку не войти дважды, да и зачем. Ничего нельзя ни повторить, ни исправить.

Я всматривался в притихшее море, карбасы приезжих рыбаков, приkleенные носами к берегу, и мне казалось, что бородатые уножемские поморы вместе с жонками и ребятишками ушли на вечный морской промысел, туда, где море становится небом.

И ДОЛГО НЕ ГАСНЕТ

В кубрике тепло, душно, качает. Вверх-вниз, вверх-вниз. Ночь чёрная. Вода чёрная. На катере, кроме меня, ещё трое.

За штурвалом стоит Максим. Два других – Олег и Сашка – оба тощие, жилистые, задумчиво жуют хлеб и запивают чаем. Когда я утром пришёл на берег, красноносый Максим в ушанке возился с лодочным мотором, выкручивал свечи, продувал их, пробовал подсос бензина в карбюратор.

– Глохнуть стал, – пожаловался он. – Ну чё, не передумал с нами? По прибылой воде пойдем. Ты в Кушлахте не бывал ещё? Вот завтра и поглядишь.

В заливе култыхался на ленивой воде карбас. Двое мальчишек выбирали сетку напротив деревни.

Когда поднялся на борт, поморы играли в домино.

– Садись, – кивнул Максим, отодвигаясь от стола.

Я вытащил из рюкзака банку тушёнки, палку копчёной колбасы и пачку чая со слоном.

– Вот, мужики, хочу вас угостить.

– Лучше напоить, – разъехались в улыбках рты у мужиков.

– ...сруб под крышу подвели, стропила поставили, шифер с Беломорска привезли. Осталось рамы вставить. Двери навесить ну и отделку всякую, – продолжал о своём Олег.

– А печь Агафон клал?

– Ну, а кто ж ещё. Мы только глину привезли откуда сказал.

– Далеко брали?

– За Лисьим мысом, не доходя до Белых Мхов.

– Агафон мужик будь здоров, – скимает Олег кулак, показывая мне, какой у них печник. – Тут как-то по осени охотники на «Москвиче» заплутали. Не туда свернули и засели в болоте.

Пришли в деревню к Ваське трактористу, а у того трёхёвщик с лета на ремонте стоит, так Агафон вожжами бампер обмотал и выволок на сухое место.

Серенький денёк, черные некрашеные избы под скисшим небом. После двух дней шторма море улеглось. За сарайми вгрызалась в тишину бензопила, по берегу понуро щипала траву корова.

Уже часа два в железном нутре старенького катера ровно и надёжно гудел дизель. Периодически накрапывало. За бортом раскачивался смутный пейзаж, будто в запотелом окне. Стало темнеть и холодать. Ветер сменился, и палубу всё чаще обдавало из трубы солярочным перегаром. Постояв ещё немного, потянулся на себя тяжёлую железную дверь рубки и простучал ботинками вниз по лестнице.

В кубрике топили железную печку, грели чайник.

– ...за неделю только две рыбины в сетку попало. Зато рыбнадзоры три раза на тоню приезжали. Чудно, ей богу, получается: жить на море и сёмги не есть. Я понимаю, когда на продажу – тут оно, конечно...

– Так-то оно так, – соглашается Сашка.

– Чё, Вадим, замёрз? Садись, чайком согрейся.

Зелёная эмалированная кружка с бурыми стенками и чай с каким-то кисловатым металлическим привкусом.

– Слыши, Вадим, ты когда-нибудь ром пил? – закашлялся Сашка.

– Раз или два было дело.

– Помню, дедка мой рассказывал, что его в чай добавлять хорошо – от простуды помогает. Старики его ещё пуншиком называли. Когда по молодости в Норвегию ходили, там пробовали, а потом домой стали привозить, пуншик делать. У нас даже старые карточки есть, где он с братом Фёдором сботкались в каком-то порту. На карточке ещё не по-нашему напечатано, и герб какой-то есть.

– Так с ромом-то чего? – моргает Олег.

Образование у Олега семь классов с коридором, как он сам говорит. Потом отслужил три положенных года на Северном флоте и уже лет десять рыбачит в родной деревне.

— Так я и говорю. Прихватило тут по весне, в район в больницу ехать пришлось. А там, племяш говорит, в магазин ром венгерский привезли, «Капитанский» называется. Ну, я про деда сразу вспомнил. Послал Славку в магазин. Принёс. Выпил я стакан без всякого чаю. Посидел-посидел, потом телевизор поглядел. Вернулся, допил бутылку, чаю пить не стал — спать лёг.

— И чё, вылечился? — допытывается Олег.

— Да нет. Но градус есть.

— Может, тебе бодяжный подсунули? Это раньше делали, а теперь народ хуже стал...

— Да, дедка рассказывал, что раньше люди добре были. Бывало рыбину поймают, бригадир по всем вдовым старухам пройдёт, понемножку, по куску, а всех сёмгой оделит, угостит.

— Так-то оно так, — соглашается Олег.

— Ладно, Олег, иди, Максима подмени. Пусть спускается сюда.

— Дай-ка, Санька, сигарету, — через минуту жмурится от яркого света Максим.

Сашка вытряхнул из пачки сигарету. Максим мнёт её, чиркает спичкой, закуривает. Дым медленно и душисто расплываться по кубрику.

— Смотри, все зубы уже прокурил.

— Ну чё, постучим в костяшки? — лениво щурится Максим, и они с Сашкой привычно начинают играть в домино.

Катер всё идёт и идёт по горбатому морю. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Время всё тянется и тянется...

В кубрике помещается небольшой столик, табурет и двухъярусная кровать. Постепенно я забылся усталым сном. Всю ночь где-то совсем близко пел свою монотонную песню дизель: ту-ту-ту...

Проснулся ночью от холода — печка давно прогорела и успела остыть. Набросив куртку, положил в топку три полена, щепок

и снова затопил. Кубрик быстро стал нагреваться. Утром Максим снова разжёг железную печку, потом запахло макаронами с тушёнкой. Сашка зевнул, сел, с хрустом потянулся. Дизель не-привычно молчал.

— Туман облепил. Не видать ничего, — улыбнулся мне Олег.

Я накинул куртку и поднялся наверх. Катер лениво переваливался на ухабах волн.

Мы сели завтракать, пить чай со слоном и ждать, когда рассеется туман. Просидели почти до полудня, пока всё не встало на свои места, и мир снова не стал реален.

— Теперь близко, — заверил Олег.

Мы стояли с ним в тесной рубке.

Скорее, скорее в деревню, где нет качки, где твёрдая земля пахнет лесом, а вода только в осенних лужах.

— Дизелёк у нас слабенький, а то давно бы пришли.

Ещё через час вошли в небольшой залив с цепочкой серых изб по берегу.

На вешалах сохла распутанная сетка. Ещё одну рыбак развешивал на ветру. Рядом с карбасом крутилась собака.

— Теперь в море мало ходят — некому стало. Слыши, Вадим, — достаёт сигареты Олег, — вот ты с Москвы. Институт закончил, значит, всё знаешь. Помрут старики, и деревня следом погибнет. А сколько летостояла...

— Да вон же красный домик под железной крышей. А там ещё один. Вроде там никто помирать не собирается.

— Это дачники с Москвы построились. А я тебе про деревню говорю.

— Сам-то чего в город не едешь?

— А я море люблю. У меня дед рыбаком был. Отец — рыбак. Слыши, я тут к тётке в Лежнёвку ездил. Это вверх по реке, километров тридцать будет. Картошку помогал выкопать, дров наколоть, ну там по хозяйству помочь. Тётка старая. Муж помер, сын утонул, дочка где-то на Сахалине. Неделю побыл, время домой ехать. Стали прощаться. Она крестит меня на дорожку: приезжай тем летом, я постараюсь не помереть за зиму.

Я ей: переезжай к нам, у нас места в избе хватит. Нет, говорит, мы уж тут со Степанной привыкли. Надо ж кому-то деревню сторожить.

Ветер был восточный и гнал волну к берегу. Из трубы крайней избы верёвочкой завивался бледный дым. Во всех трёх окошках горел свет.

ОТПУСК В РЮКЗАКЕ

Листья, лужи, осень. Холодно и дождик.

Последний день отпуска. Теперь обратно, в привычную повседневность до следующего сентября. Перед глазами ещё стоит насквозь синее море, избы словно крестятся на заброшенную церковь на скале. Тоскливая тишина.

– Не взыщи, живём, как бог дал, – говорила Филимоновна и угожала меня сиговой икрой с луком.

От печки пахло сушёными грибами.

За окошками лежало неправдоподобно большое плоское море. Скалистый берег был красным на закате. Разговоры про сёмгу и про погоду.

Какая-то другая, параллельная жизнь, не имеющая пересечений с моей городской. Жаль, что всё закончилось быстро, как короткометражное кино.

Питер с его Невским, Петропавловкой, Летним садом – город замечательный, кто бы спорил, но сейчас актуальней Московский вокзал.

Кассы захлёбываются желающими уехать. Озабоченные лица, лёгкая нервозность. Вокзал набит обрывками фраз, вздохами. Пахнет курицей гриль – общепит не стоит на месте.

С огромного постера менты из «Улиц разбитых фонарей» рекламируют меховой салон. Молодцы ребята, быстро погрузились в стихию рыночных отношений. У вагона маленькая очередь. Глаза притормозили на девушке в облегающем. Ноги вытянутые каблуками. Строит из себя фотомодель. За ней два каперанга с лицами цвета побежалости и в начищенных полуботинках.

Через шесть часов поезд будет уже в Москве на Ленинградском вокзале.

– Наш паровоз вперёд летит... Скорей бы уж.

Вот сколько ни езжу на поездах, а земля круглой совсем не кажется.

Уютный минимализм двухместного купе СВ. С рюкзаком и небольшим мешком вяленой зубатки – поморский гостище – я выделялся среди прочих пассажиров. Просто я не отсюда.

Высокий тощий проводник дежурно улыбался и бегал глазками. Увидев меня, переменил лицо на строгое и стал подозрительно принюхиваться. За пару минут до отправления в купе образовался попутчик – мужчина средних лет, явно труженик обновленной экономики. Он говорил по телефону громко и нервно. Потом глянец улыбки мне.

Уже через пару минут за окном поплыл какой-то индустриальный пейзаж с изъянами. Скученно стояли скучные панельные девятиэтажки, в которых скучно жили горожане.

– Что для вас? – проводник источает дежурную приязнь попутчику.

– «Кампари» со льдом, – сделал тот ход конем.

– Могу предложить коньяк, – выражение лица соответствующее.

Сосед коньяком не впечатлился.

– Что у вас там? – проводник выразительно косится на мой мешок.

Блин, достал! В мурманском поезде никто не цеплялся. Правда, там народ был попроще, без выpendрёжа.

– Расчленёнка. Заметаю следы. На остановках буду по немногу избавляться от ароматизированных улик, – отвел я душу.

Проводник пригрозил начальнику поезда и отправился ублажать следующее купе.

Интересно, попутчик спросит или нет? Пока молчит.

– А действительно, чем так воняет?

– Отпуском.

– В смысле?

– Вяленой зубаткой.

– А это что за зверь?

– Рыба. Живёт себе в Белом море, пока её не выловят поморы. Некоторые вялят зубатку для собственного удовольствия. Сейчас попробуете, – я нагнулся к мешку и выбрал рыбину побольше.

– Вижу без пива тут не обойтись, – повеселел попутчик.

– Да уж, с коньяком не монтируется.

Сначала общались на вы. На ты как-то сразу не получилось.

Он – Россия улучшенной планировки. Калька европейского среднего класса – наверняка пластиковые карты, тренажёрный зал, иномарка и прочая джага-джага. Я в джинсах и флиске, без мобильника – а зачем он мне на берегу Белого моря?

Попутчик вызвал проводника и попробовал заказать бачочного пива, немецкого или чешского.

– Есть «Степан Разин» в бутылках, – приземлил проводник – он лоббировал интересы отечественного производителя. На меня проводник не смотрел.

– Давайте пока шесть бутылок.

– А чего она крошится? – ковырялся в рыбине попутчик.

– Потому что Евгеша как поймал её в августе, как подвесил у печки вялиться, так и забыл до конца сентября.

– А почему солёная такая? – не унимался сосед.

– Это традиция – чтобы не протухла.

– Надо же.

– Ещё ей можно легко печку растопить.

Лицо попутчика меняется. Он недоверчиво посмотрел на зубатку. Потом на меня. Пришлось озвучить, как сидели мы на тоне в промысловой избушке с поморами Пашей и Евгешей. А за окном второй день какое-то крошево из непогоды. Сидим, глухнем от шторма. Мужики запускают в потолок кольца сигаретного дыма. Изба гудит, противостоит ветру, стекла дребежат, и по ним всё время криво стекают дождинки – циклон с Баренцева моря. Дрова кончились ещё вчера, а те, что таскаем с улицы, вымокли и не хотели разгораться. Тогда Евгеша, незло матерясь, сдёрнул одну зубатку, разломил на части, легко поджёг и сунул в печку. Огонь не сразу заплясал, а потом стали постреливать искрами дрова.

– Да-а... – восторженно улыбался попутчик. – Живут же люди. А тут бизнес и летом какая-нибудь Италия на недельку. Начинал с короля ликеров – миндалевого «Амаретто», пиратских дисков, поддельных брендов, теперь, спасибо тестю, в нефтянке.

– Урбанизированно, – соглашаюсь с ним.

Шаги и тени. Избы и старухи. На берегу старые карбасы, давно забывшие море...

– Ещё по пиву?

– Можно.

– Как там вообще живут?

– Обыкновенно. Отслужили, отсидели, теперь рыбачат в колхозе. Всё в традиционной русской пропорции.

– И всё?

– А что, мало?..

– А что, колхозы ещё есть?!

– Не поверите – там ещё есть.

За окном тучи и среднерусский пейзаж. Где-то на подъезде к Бологому проводник принёс ещё три бутылки «Степана Разина». Меня он по-прежнему недолюбливал.

– Соседей справа раздражает запах из вашего купе, – ядовито громко мне.

Вот гад! Так и норовит испортить послевкусье от отпуска.

– А ты скажи, чтобы не раздражались, – сосед с улыбкой протянул проводнику десять баксов.

Проводник выстелил на лице улыбку.

Я сидел и вспоминал вслух, как собирал вчера утром налитую бруслику на берегу, а вокруг пахло вереском, как потом, разбрзгивая грязь и сшибая листья с веток, грузовик мчал меня на станцию, чтобы не опоздать к мурманскому поезду.

– Небо с облаками, море... Хорошо! Вот так, один, без телефона, планёрки и совещаний, – вздохнул попутчик.

– Ну да. Только через неделю начинаешь понимать, что одиночество давит, с ним неуютно. Просто мы так устроены – нам плохо быть совсем одним.

– Слушай? А может, коньячку?

– Давай воздержимся.

– Как-то неправильно мы живём.

– Ты о нас? – отпиваю из темной бутылки.

– Нет, я вообще.

– Ну да, правильно у нас не выходит.

– А у твоих поморов?

– У них тоже.

– Ага, правильно. Ни у кого не выходит.

– Просто не стараемся.

– Это ты и про меня?

– А мы-то с тобой чем хуже остальных?

За окном тусклый и мокрый день. Мелькают какие-то вокзалы-города.

Мужики, у кого были машины, стали таксовать, их жены – работать на вещевом рынке, спортсмены подались в бандиты. Советская цивилизация десять лет как закончилась.

– Мы тоже в пионерском лагере жарили сырое мясо на прутиках, – вздохнул попутчик.

Наконец «Рижская», потом перрон с лужами.

На вокзале его встречал водитель.

– Отдай своему помору, когда в следующий раз зубаткой будет печку растапливать, – протянул мне зажигалку «ронсон».

ВЕЧЕР, КОТОРЫЙ БУДЕТ ТОЛЬКО ЗАВТРА

Мы с Нестеровым пережидали дождь.

Сидели на холодном подоконнике в подъезде, смотрели в окно, за которым из промокшей ваты облаков Москву поливал сентябрьский дождик.

– У меня трояк, – сообщил Нестеров.

– У меня семь рублей с копейками, – порылся я в карманах.

– Пойдём, поедим в «Россию», – предложил Нестеров.

– Не хочется.

– Куда думаешь поехать в отпуск?

– Пока не решил.

Изредка опускался и поднимался лифт, бухали двери квартир на верхних этажах.

Ещё позавчера, мы тесно сидели в подшефном Заворово на стульях, табуретках, на кровати всей бригадой. Под ногами скрипели давно не крашенные половицы. На столе блестели три бутылки «Гавана клаб», ещё три пустых под столом. В углу стоял целый мешок душистых яблок.

По слухам уборочной весь август в селе не продавали ни вино, ни водку. Только кубинский ром.

Мы отмечали завтрашний отъезд домой.

Целый месяц мы сначала грузили мешки с комбикормом в машину, потом развозили их по фермам и складывали под навесами. Просёлки медленно тащились полями от телятника к телятнику. Работалось легко, руки-ноги словно на пружинах.

– Ну, до новых встреч, родимый совхоз!

– Ну, выпьем, – загадел стол.

– Погнали наши городских!

Выпивали из фаянсовых чашек, закусывали яблоками и чёрным хлебом.

Витя из Министерства морского флота всё никак не мог подстроить стареньющую гитару. Было накурено.

Ещё выпили, закусили, Витя наконец-то закончил подтягивать гитарные струны, сыграл вступление.

«Проходит жизнь, проходит жизнь, как ветерок по полю ржи...» – пели мы уже довольно пьяные и размякшие.

К вечеру небо очистилось и стало высоким, через окно были видны редкие точки звёзд.

– Эх, когда ещё мы будем так сидеть...

– Наверное, теперь уже через год, – спотыкались Витя с Нестеровым на крыльце «Товаров повседневного спроса».

Утром из-под крана мы долго пили холодную воду. Голова, как выкипевший чайник.

Управления уже дождался автобус. Шоффёр лениво курил на свежем воздухе.

– Ну, бывайте, ребята, счастливо, – жал нам руки дядя Петя.

Деревенский воздух был густым и вкусным. Над Заворово стояло синее, словно вымытое небо с пирогами облаков. Через дорогу за забором гремела цепью и громко лаяла собака.

Через несколько минут в прошлом осталось село, церковь семнадцатого века с блестящим на солнце крестом, плоские картофельные поля. Автобус свернул на шоссе и поехал всё быстрей и быстрей.

Ещё через три дня у меня начинался отпуск.

– А может, посидим в «Москве» на седьмом этаже? Возьмём по коктейлю, мороженого по два шарика?

– Саш, мне не хочется.

– Я тоже не очень хочу, просто... – Нестеров долго прикуривал. – А давай махнём в центр на Твербуль?

– Давай на Калининский! – спрыгнул я на пол и застегнул «молнию» у ветровки.

В подземном переходе у кинотеатра «Художественный» шаркали ботинки и громко цокали каблуки. После Заворова народу было непривычно много – лица, плащи, куртки, много симпатичных девушек. На большом экране прямо на торце

одного из домов в начале проспекта показывали очередную серию «Ну, погоди!»

В «Валдай» попить пива с рыбкой, стояла плотная очередь.

– Может, в «Метлу»?

– Нет, давай до Кропоткинской.

Мы шли по вымытому дождём бульвару, обходя лужи. Осень пахла почему-то арбузами. Редкие капли шмякались на голову и плечи, заставляя нас зябко ёжиться.

– А давай зайдём к лётчику Пушкину¹? А то одичали за месяц среди подмосковного раздолья, – предложил я.

– Давай. А то «Гавана клуб» уже во сне яблоками заедаю.

Мне нравились контрасты: после деревенских пейзажей, резиновых сапог, например, походить по чопорным музейным залам. Натёрты до блеска полы, желтоватый свет люстр, золочёные рамы по стенам с подсмотренной художником чьей-то жизнью. Интеллигентные старушки-смотрители и никакого кубинского рома под килечку в томатной заливке.

Перед закрытием посетителей в музее было совсем мало.

По пути к импрессионистам глаз упёрся в небольшое полотно «Рынок в порту» какого-то голландца семнадцатого века из второго эшелона.

Внутри даже защемило при виде неба с толкотней облаков, сквозь которую косо било солнце.

Я стоял в пяти шагах от картины и чувствовал, что плыву вместе с ними к краю холста.

Казалось бы, что, я неба такого не видел? Да хоть в Заворово всю последнюю неделю. А тут зацепило...

Нестеров пошёл дальше, а я стоял и всё смотрел, смотрел.

Мне вдруг захотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко вслед за этими пышными комками облаков, слизывающими любое небо.

Сердце заколотилось, я почувствовал какое-то странное возбуждение – понял, что надо ехать на вокзал за билетом,

¹ Так в некоторых кругах называли Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

прямо сейчас, не откладывая. Я пока плохо представлял, на какой из семи московских вокзалов и куда брать билет.

На улице, когда мы вышли, уже было темно, в небе краснели кремлёвские звёзды и накрапывало. Рогатые троллейбусы неуклюже пересекали Кропотkinsкую площадь. В лужах цветисто плавали блики вечернего города. Порыжевшие деревья блестели в свете уличных фонарей.

Вагон метро был полон – люди ехали с работы. С каждой станцией народу всё прибавлялось. Между Кировской и Лермонтовской какой-то толстяк с портфелем дважды пристраивался мне на ногу.

Я вышел на Комсомольской радиальной, пешком поднялся по длинному эскалатору и, не раздумывая, свернул на пешеходную зебру к Ленинградскому вокзалу.

Вокруг – разбавленная портвейном и водкой жизнь. Среди навсегда утвердившейся суэты пьячуги с брейгелевскими лицами, военные от полковников до лейтенантов с толстыми портфелями, коротконогие бабы с детьми, серенькие пальто, куртки, кепки, платки, чемоданы.

Озабоченные лица, тревожные взгляды. Запах пирожков с повидлом на пережаренном масле. Из загустевшей темноты через репродуктор растекался объявлениями о начале посадки, отправлении поездов женский голос.

Я нетерпеливо переминался за тёtkой на тощих, словно из электрических проводов, ногах. Лица её не было видно.

Задев меня плечом, к тёtkе подошёл мужик с прокуренными зубами и кадыкастой шеей.

В голове какая-то каша: «Куда, куда?..» – до звона в ушах соображал я.

– До Великого Новгорода два плацкартных, – нагнулась тёtkа к окошечку кассы. Потом они с мужиком долго отсчитывали деньги из носового платка.

Точно! В Великий Новгород! – отлегло у меня.

Кассирша с каким-то отсутствующим лицом упёрлась в меня взглядом.

– До Великого Новгорода один на завтра.

- Купейных нет.
- Давайте плацкарт.
- С вас семь пятьдесят.

Моя мечта вписалась в названную сумму, ноги обмякли, нервы отпустило.

Я вышел на один из перронов. Поезд пахнул холодным железом и углем, в окнах между занавесками видны были отъезжающие. Проводницы переговаривались у дверей вагонов, рядом затягивались сигаретами пассажиры. Потом невидимый локомотив медленно стал утаскивать пассажирские вагоны в осеннюю черноту.

Я смотрел на удалявшиеся красные огни последнего вагона и чувствовал во внутреннем кармане куртки билет на завтрашний поезд, который так же, сквозь ночь, увезёт меня в Великий Новгород.

ПОЗАВЧЕРА, ВЧЕРА И ЗАВТРА

Прохладно влажный Великий Новгород просыпался освещёнными окнами пятиэтажек.

Над городом нудил дождик.

Пустой Кремль. Газоны пронзительно грустно пахли горьковатым палым листом. Галки на звоннице и дежурный милиционер на выходе к реке.

Широкий Волхов, как запотевшее стекло.

– Мест нет, – попеременно смотрят на меня сначала блондинка, потом шатенка, гранитно восседавшие за стойками. – Ничем вам помочь не могу.

Тяжело захлопывается очередная гостиничная дверь.

Я со своей нейлоновой сумкой с карманами и «молниями» растерянно стою и разглядываю здание обкома партии.

– Чего грустишь? – остановился мужик с потухшей «беломориной» во рту.

– На дождь смотрю.

– Не селят что ль?

– Говорят мест нет.

– А у них никогда нет. Езжай, парень, на турбазу в Перынь. Садись на девятку и до конечной, до Юрьева монастыря, а там спросишь, – улыбнулся мужик прокуренными зубами.

Жёлтый «Икарус» трясся по узкой дороге мимо спущенных прудов, в которых люди в болотниках собирали сачками плюхавших по жирному илу карпов. Серебристый улов складывали в ящики на берегу.

«Икарус» постоял у монастыря, потом развернулся и уехал. Пахнуло солярой, и стало совсем тихо.

Смотрю несколько минут на огромный трёхглавый собор двенадцатого века.

Потом в промокших ботинках чавкаю по коричневой смешанной тропинки в указанном направлении.

Деревня со сливами и бордовыми астрами в палисадниках, лопухами у заборов скоро закончилась. Дальше на жёлтом песке росли сосны. Волхов с ленцой катил свои волны. У берега летали несколько чаек и как-то тоскливо по-осеннему вскрикивали. Рваные тучи грязнили небо. На противоположном берегу из-за зелени приподнимались в разных местах две белые главки с крестами.

Надо будет туда съездить, посмотреть, решил я.

Турбаза отдыхала рядом с миниатюрной церковью тринацатого века.

Меня сразу заселили в девятиместный номер, где уже шумно жили туристы из Ленинграда. Они тут же угостили тёплым пивом.

— Прошу, — компанейски махнул рукой мужик ближе к пятидесяти. — Сергей Николаевич. На отдыхе просто Сергей.

Мне было неловко: сделав вежливый глоток, поставил стакан, но уловив удивлённый взгляд Сергея Николаевича, выпил до дна. Мне налили второй.

На «Советском спорте» были разложены увядшие круги докторской колбасы, раздербаненная с мощным хребтом рыбина горячего копчения, половинки помидоров и солёные огурцы.

— А вы чем занимаетесь, — спрашивало рыжего мужика, сидевшего справа от меня.

— Мы?

— Если не секрет, конечно.

— Мы занимаемся литболом, — весело переглянулись ленинградцы.

— А в свободное время?

— А свободного времени у нас не бывает, — как-то туманно ответил Сергей Николаевич.

Я смущался.

Ленинградцы отдыхали со вчерашнего вечера.

— Ну, не будем тянуть atom за протоны, — произнес тост Сергей Николаевич.

Все пили спирт со сливовым соком из трёхлитровой банки, чавкали колбасой, хрумкали огурцами, пели «пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»

— Чудесно. Давайте ещё выпьем, — улыбалась после каждой песни блондинка в красной водолазке, похожая на артистку Татьяну Доронину, и теребила короткими пальцами косынку. Губастый парень с низким лбом что-то пытался объяснить, но мне было не интересно. Женщина с тяжелым пучком чёрных волос жаловалась на другом конце стола, что ночью на турбазе холодно и кусают комары.

— Мы с мужем этим летом провели отпуск в Карелии, — подкрашенные глаза блондинки кокетливо прищурены в мою сторону. — А вы где любите отдыхать?

— Я?.. Ну-у... На Таганской кольцевой, на Курской кольцевой, потом... Но лучше всего на Новослободской — там витражи нарядные на стенах и народу не так много. — Мне неловко было признаться, что это мой первый отпуск вне дома.

Блондинка не оценила.

Захотела пойти покурить, но осталась за столом, выпила ещё пива и стала читать Блока.

Все уже были пьяные, смеялись, разговаривали, старались перекричать друг друга.

— Пойдём покурим, — предложил рыжий Эдик.

Мы вышли на берег. Дождь перестал.

Я стоял и смотрел на белёсый Волхов в низких берегах. По этому песку ходили ещё викинги, дышали этим воздухом и ветром.

На другом берегу темнели руины рюрикова городища.

Эдик долго закуривал, подставляя спину ветру.

— Сам-то служил?

— В Ленинградском военном округе.

— В каких войсках?

— РВСН.

— Аа, чёрные погоны. Дембельнулся давно?

— В семьдесят шестом.

— А я в семьдесят втором, — рыжий вспомнил, как они всем призывом в день призыва постриглись наголо.

За спиной поскрипывали сосны. Эдик докурил и бросил окурок на мокрый песок.

– Телефончик московский оставь – мало ли что.

Я нацарапал прямо на пачке «Родопи», потом вернулись к столу.

Рыбья голова с газеты хитро таращилась глазом на отдыхающих.

– Хотим танцевать! – заявили раскрасневшиеся девушки.

Задвигались стулья, включили магнитофон, начались танцы.

Дама в водолазке улыбалась полными морковными губами Сергею Николаевичу. Эдик грустил.

Только за полночь выключили магнитофон и погасили свет.

Проснувшись утром, я полежал с закрытыми глазами, вспоминая вчерашний день. Из ушей никак не выковыривались хиты «Бони М» и «Чингиз-хана». На соседних кроватях досыпали наплясавшиеся туристы из Ленинграда, сегодня после обеда они уезжали.

В невысохших за ночь ботинках я поехал смотреть город.

Дряблый сентябрьский денёк.

К Кремлю подъехали сразу несколько красных «икарусов» с надписью «интурист». Из них вышли обвшанные «Никонами» и «Кенонами» туристы – на площади сразу стало тесно.

Иду, иду... Улицы, замощённые на несколько столетий раньше, чем лондонские. Древние церкви, словно вылепленные из пластилина – даже спустя века чувствуется сила духа. Пятиэтажки с бельём на балконах, голубоглазые блондинки в плащах и с зонтиками.

Попил газировки из автомата.

Во всех кафе и столовках кормили жареным карпом, повсюду продавали живого карпа. Какой-то карпов день.

Мимо магазинов, парикмахерских, сберкасс, по пешеходной зебре устало иду к Спасу на Ильине улице. На железной двери, как и утром, замок.

Жалко не увижу фрески Феофана Грека.

Сворачиваю в соседний Знаменский монастырь.

Туристов нет, только в луже ссорятся из-за крошек два юрких воробья. Долговязый парень в грязном синем халате с длинными волосами, перехваченными тонким обручем на древнерусский манер, курил и наблюдал за дерущимися птицами.

– А можно церковь посмотреть?

– Интересно?

– Да.

– Издалека?

– Из Москвы.

– Ну, давай заходи.

Я задел носком ботинка выбоину в ступеньке крыльца.

Навскидку мы были с ним ровесниками.

В храме зябко-сумеречно.

Со стен смотрели обведённые красноватой охрой бородатые лики святых. Где-то вверху на реставрационных лесах горела переноска, играл магнитофон и кто-то кашлял. На козлах алюминиевый чайник, пряники в бумажном кульке. На полу банки с красками, войлочные ботинки и электроплитка.

– Знаешь, как фрески реставрируют?

– Пока нет.

– Смотри, сначала воск со скипидаром плавишь на водяной бане, потом флейцем¹ на стенку наносишь, дальше горячим утюжком укладываешь вздутия, тампоном убираешь лишний воск. Потом делаешь мыловар.

– Чего делаешь?

– Стружишь хозяйственное мыло мелко-мелко в ведро, заливаешь водой, добавляешь аммиака и варишь до мыльной каши. А потом смываешь им грязь с копотью со стены, пропитываешь льняным маслом, шпаклюешь утраты и восстанавливашь красочный слой. Только краску надо класть всегда на полтона светлей.

– Зачем?

¹ Флейц – плоская широкая кисть из мягкого волоса.

– Чтобы с автором не путать.
– И сколько ты здесь работаешь?
– Всё лето, – поглядывает на меня свысока парень. – Туристы в футболках и сарафанах мороженое едят, а мы в тёплых носках и шерстяном свитере весь день на лесах.
– А зачем так утепляешься?

– Чудак, так ведь суставы крутить начнёт от сырости.

Поработай-ка тут целый день.

– Марк! Принеси охру!

– Ладно, мне на леса надо, а ты посмотри тут сам. Будешь уходить, дверь прикрой в собор.

Вечер изменил очертания домов и деревьев. Из гастронома выходили женщины с авоськами и сумками. Из булочной пахло тёплым хлебом. Шаркали подошвы, цокали каблуки идущих с работы усталых людей.

Каменные дома кончились, а город всё ещё продолжался.

– Турист что ли? – спросила кондукторша на обратном пути.

– Да, вот приехал посмотреть.

– К нам отовсюду едут.

– Я за рекой две церкви видел. Туда как попасть можно?

– Аа, на Нередицу автобус ходит с города, а на Липно только по воде, больше никак. Ты в деревню сходи, может, кто из рыбаков и свезёт тебя, – голос у неё сладко тягучий.

– А кого спросить?

– Дядю Сашу спроси, он обычно летом туристов катает, когда не пьяный.

Над автобусной остановкой лениво реяла чайка с большими крыльями.

Потом с громким шорохом полил дождь, и лужи снова пошли пузырями.

ВАСИЛЬКИ В КРЫНКЕ

Августовская теплынь. Мы с Нестеровым сидим обедаем в пирожковой на улице Жданова. За соседним столиком двое мужчин, нервно улыбаясь, обсуждают бизнес-план и с каким-то подтекстом едят капустный салат. За окном машины, пешеходы, ларьки с королём ликёров миндалевым «Амаретто». На перекрёстке гаишник буровит мир тяжёлым взглядом.

Год как нет огромной страны.

Мы с Нестеровым едем на Мезень. Поезд завтра вечером. Потом из Архангельска самолётом, дальше...

А вот с «дальше» ясности у нас не было.

Почему на Мезень? Хотелось увидеть настоящий Север. Его любят рисовать красками художники, а мы с Нестеровым любим ходить на выставки. Мы, горожане – урбанисты. Привыкли пользоваться метро-троллейбусом-лифтом, не любим и не очень умеем копать картошку, но любим собирать грибы, правда, когда их много вокруг. А ещё мы очень любим путешествовать.

Назавтра стоим в коридоре купейного вагона и смотрим в чернильную темноту. «Жили-были» выступают литые колёсные пары по стальным рельсам. Мягко, будто на пружинах, раскачивается вагон. Пассажиры давно спят.

Нам хорошо. Мы почти счастливы.

– На Мезень рейс отменяется!

– А когда будет?!

– В следующую среду, – хрюпло прокашлялся и скучно посмотрел мимо очереди аэродромный начальник.

– Какая среда?! Мне завтра на работу! – кричала морковным ртом тётка. – Везите, если в расписании написано!

Тускло блестел помытый пол. В ноздри шибал запах хлорки.

Возбуждённая очередь, напирая на гласные, наращивала словесную мощь – начальнику объясняли, куда ему надо идти вместе с его аэродромом. Появился ещё один в синей форме с нашивками – губастый, уши, как варежки, пузо в комплекте – и стал объяснять, что керасину нет. Но раз такое дело, они попробуют организовать коммерческий рейс, только не раньше, чем часа через два.

– Пошли на воздух, чего здесь торчать, – вздыхаю я.

После недавнего дождичка улица пахла мокрой травой.

– Может не улететь, – Нестеров с напряжённым лицом достал сигарету из пачки.

На стоянке перед аэропортом в моторе поношенного «Форда» ковырялся мужик в лётной фуражке.

– Здесь работаешь? – тужусь улыбкой в его сторону.

Мужик кивнул.

– Слушай, тут такое дело – нам на Мезень очень надо улететь. Понимаешь, целый год собирались, а у вас тут керасину нету. Не поможешь?

– За понимание отдельная доплата, – Нестеров солидно угостил мужика «Мальборо». Тот закурил, сделал неглубокую затяжку, пустил дым носом.

– Давайте паспорта и деньги – обогрел он добрым словом. Сосредоточенно докурив, выбросил окурок и ушёл.

На потрескавшейся фанере дощатого аэропорта блёклая надпись «Мезень».

Высадив пассажиров, самолёт улетел обратно в Архангельск. Голубенькое небо и широкая река. Сам райцентр Мезень с панельными пятиэтажками и трубами завода – чуть в стороне. Людей никого. Среди скучноватого пейзажа пасётся корова.

– Чувствуешь, воздух какой?

– Ага, чувствую – пахнет иконами и прялками.

– Куда теперь?

– В Кимжу!

Стоим у ларька, щуримся на реденькие облачка, пьем лимонад из картонных стаканчиков, жуём общепитовские коржики.

Нестеров сочувственно посмотрел на дворнягу и отдал ей половину.

Потом два часа нудной тряской езды на рейсовом ПАЗике мимо пыльных придорожных деревень и леса с огрубевшей за лето листвой.

– Здравствуйте! А где у вас тут Кимжа? – спрашиваем на автобусной остановке.

– А вон там, за рекой! – простецки махнула тётка загорелой рукой.

Через Мезень нас переправил какой-то рыбак.

– А у кого в Кимже можно остановиться?

– Да там старух много, кто-нибудь да пустит пожить.

Ещё через час всё встало на свои места. Под огромным небом разъезженная тракторная колея, поле, шатровая церковь, словно врубленная в пейзаж. Избы старые, цвета прошедшей жизни. На огородах картошка.

– В экую даль пешком шащаете, – удивилась рыхлая бабка. Такие обычно болеют «давлением».

– Пожить? А вон ступайте к Ивану, у него две избы. В одной художники с Ленинграду живут каждое лето, глядишь, и пустит вас.

Иван выслушал, снисходительно улыбнулся мятым перемятым лицом и дал ключ.

– Тока не спалите мне избу, москвичи. Я к вам попозже зайду, вечер долгий, ещё успею бока отлежать.

Изба была пропитана горьким запахом «Примы». На столе некрасивый латунный подсвечник и крынка с засохшими васильками. На полу несколько сморщенных тюбиков масляной краски.

Нам с Нестеровым стало легко и радостно.

Затемно пили с Иваном за знакомство привезённый из Москвы спирт «Рояль». Бутылка быстро стала мелеть, потом закончилась.

- Как спирт?
- Нормально для разгону...
- Голландский.

Выпитый спирт в Иване зажил отдельной жизнью – ему захотелось импровизации.

– Слыши, художники, может, хотите по Мезени пройти на судне до Лешуконского? – посмотрел на нас со значением.

- А можно будет?
- Через неделю Степаныч заглянет. Если договоритесь, возьмёт вас. А где кисти-краски ваши, художники? Чем рисовать-то будете? Аа, вы фотографировать... Тоже дело.

- А Степаныч у нас кто?
- Начальник русловой партии. Они за фарватером судоходным следят, чтобы никто на мель не сел.

Когда чайник вскипел, Иван сыпал туда горсть заварки, потом разлил по кружкам. Запахло распаренным веником.

– А к нам-то чё всё время ездите? То художники с Москвы, то с телевизора из Ленинграда понадуют кино снимать.

– Не хватает, Вань, в Москве пространства с кислородом, да и прогресс напирает отовсюду.

Иван переводил взгляд с меня на Нестерова, кивал, соглашаясь с каждым нашим словом.

- Во-от! – изрядно качнуло Ивана, – И я про то же.
- Ну, поехали!

Иван опрокинул рюмку и закусил хлебной корочкой.

- Вань, а ты всю жизнь здесь?
- Не-ет, мать жены отсюда, а я с Котласа. В отпуску теперь, а так в Мезени на лесозаводе работаю.

– У тебя часы с кукушкой? – разглядывал Нестеров со своего места старые ходики рядом с печкой.

- С кукушкой, – подтвердил Иван.
- Кукует?
- Не-е, отломал!

– Зачем?

– Надоела – всё время куковать выпрыгивала. – Иван внезапно накренился до критической отметки, Нестеров едва успел его удержать.

Всю неделю, захваченные новой жизнью, мы впитывали мезенскую реальность – разглядывали огромные обетные кресты с грубоато вырезанным распятием. Растолстевшие от ночных рубашек и другой одежды, часто детской, намотанной прямо на древесину, они стояли у дороги, на краю деревень, прямо во дворах. Многочисленные щели в крестах были тщательно утыканы пятнадцатикопеечными ещё советскими монетами. Разглядывали в избах ещё уцелевшие прялки с облупившейся местами живописью, вертели в руках сильно потёртые медные иконки и складни. Всё путное местные давно раздали – попродаивали туристам с художниками.

Дни стояли какие-то задушевные. Август шуршал несконченной травой.

Через неделю Иван нас спросил:

- Ну, чего из старины надыбали, художники?
- Ему прялка, мне ковшик медный.
- Чего сегодня вечером делать будете? – хитровато сощурился он.

- Да оборудуем как-нибудь вечер, – отшутился Нестеров.
- В магазин бегите, – распорядился Иван.
- Зачем?

– За оборудованием – Степаныч приехал. Только вы коньjak берите у коммерсов.

- Почему коньяк?
- Специфика флота и субординация.

Коньяк был грузинский. Три звёздочки. Стоил, как хороший армянский.

Степаныч оказался молодым мужиком с простецким лицом. С собой у него была копчёная щука в газете.

- Мужики, закурить дайте, а? Курить хочется, а свои в каюту оставил.

Нестеров протянул пачку «Мальboro».

– И выпить после вчерашнего, – блаженно затянулся тот импортной сигаретой.

Закуска к коньяку – чёрный хлеб, сало и миска деревенского творога. Сало было вкусным, чесноку не пожалели, а творог кислый и комковатый.

– С Москвы будете? ВДНХ знаете? – после выпитого коньяку потянуло Степаныча на разговоры.

– У него там кошелёк спёрли, когда он пиво чешское пил, – киваю на Нестерова.

Мужики недоверчиво посмотрели на Нестерова.

– Пиво это хорошо. Я раз с увольнения восемь бутылок в дипломате пронёс в роту, – пустился в воспоминания Степаныч.

– А служил где?

– Да под Москвой, на узле связи.

– А он на финке погранцом, – киваю на Нестерова.

– А ты? – пьяненько смотрит Степаныч на меня.

– В ракетных, на Севере.

– А я в Белоруссии в артиллерию, – похвастался Иван.

Все наперебой стали вспоминать несокрушимую и легендарную.

– Ладно! Не болтай, а наливай! – засмеялся Иван.

Нестеров нетвёрдо разлил остатки коньяка, и мы выпили.

– Да-а, какую страну, бляха-муха, защищали, – вздохнул Степаныч.

Мы помолчали.

– Слыши, Степаныч, вот москвики хотят Мезень поглядеть. Возьми их до Лешуконского. Где ещё увидят такую красоту?!

– Завтра с утра пусть приходят на берег. Ладно, пойду я. За угощение спасибо.

– Куда он на ночь?

– Баба у него здесь, а дома в Мезени жена. Вот он и шифруется, чтобы жене не настучали.

На улице я догнал Степаныча.

– Степаныч, а сколько будет стоить наша речная прогулка с питанием и проживанием?

– Брось, земеля, какие деньги. Мы ж не барыги какие.

Ночь наползла на деревню. Кое-где во дворах лаяли собаки, некоторые окна глядели жёлтым светом.

Утром мы были на берегу. Из рубки судна на нас строго поглядывал мужик в оранжевом спасжилете.

– Это чего? – шепотом спросил меня Нестеров. – Уже toen или только собираемся?

Вокруг было красиво и тихо. Блеклая, какая-то застиранная голубизна неба.

Было много реки и много простора во все концы.

ПО ОКЕ РЕКЕ

Нестеров стоял и закипал на солнцепёке. Курил. Злился.

– А чего в тень не спрятался?

– Где ты тут тень увидел? – бросил в меня красноречивый взгляд.

Вокруг июльская жара, деревянные дома и домики. Лопухи с крапивой и реденькие облака сверху.

Через два перекрестка улица уперлась в бетонно-стеклянный куб райкома партии и Ленина с клумбой.

– Как будем выбираться отсюда?

– По реке.

Я посмотрел на Нестерова: шутит или нет.

– Как это?

– Посмотрим.

– Что значит «посмотрим»?!

– Откуда я знаю.

– На фига сюда вообще приехали?

– Старину посмотреть.

– Посмотрели. Вместо Кремля футбольное поле, а в монастыре – фабрика, – я щурюсь на наглядную агитацию и доску почета механического завода.

– Не усугубляй, – вздыхает Нестеров. – Ещё монастырь есть и три церкви.

Городок на судоходной реке. Всё рядом, всё на виду. Глаз сразу выхватывает ненужные подробности – пару пятиэтажек с жирными гудронными швами, типовой кинотеатр, универмаг. Всё будничное, обыкновенное. В сувениром отделе посуда из рыхлой местной глины. В книжном – самоучитель игры на барабане. По разбитым улицам ездят редкие «Жигули». Гармонии не улавливалось.

– Я на реке видел баржи с песком. Нам бы до Рязани доплыть, а там сядем на электричку и через четыре часа в Москве.

По жаре отправились в речной порт на окраине города. Вокруг во всю старалось лето.

– Эй! Вам чего здесь надо?! – переменил лицо на строгое неказистый, но важный вахтёр на проходной речного порта.

– Тут штурман с портфелем не проходил? – спрашиваю первое, что пришло в голову.

– Не-е, не проходил.

– Рыжий такой, – даю разыграться фантазии.

– Не-е... С портфелем, говоришь? Маленький такой?

– Точно! – правдоподобно заулыбался Нестеров.

Мужик на проходной надолго замолчал.

– Эй?..

– Чё-е?.. А... Нет, не видал.

Мы вздохнули и отошли в сторону.

– Смотри, – кивает Нестеров на двух мужиков с оттопыренными карманами, уверенно скрывшихся в кустах.

– Нам туда.

Берег в низком ивняке. На горе церковь без куполов и колокольни.

Сквозь кусты натоптана тропа, метров через сто пятьдесят упирающаяся в дыру в заборе.

– Прошу, – улыбнулся Нестеров.

– Эй! Вы чё тут ходите?! – появилась откуда-то коротконогая, похожая на примус тетка в синем сатиновом халате.

– Мы парторга ищем, – соврал я бойко.

– Аа, вон на причал ступайте, там дебаркадер увидите.

– Есть кто-нибудь? – громко спрашиваем на дебаркадере.

Поочередно открываем двери в прокуренные комнатки.

– Вы к кому? – устало смотрит жилистый мужик в галстуке, повязанном хилым кукишем под самое горло.

– Нам парторга.

– Слушаю вас.

Мы с Нестеровым выстелили улыбки на лицах.

Парторг разрешил нам переночевать прямо в маленьком актовом зальчике с кумачовым столом президиума на сцене и массивным гипсовым бюстом Ленина на тумбе. Со стены бодрил лозунг «Планы партии – планы народа!».

– Только завтра в семь утра вас тут не должно быть, – строго предупредил он.

Выпив принесенного нами портвейну и положив в рот шоколадную конфету, парторг ткнул в мою сторону пальцем:

– Комсомольцы?

Нестеров горячо закивал головой.

– Вот что, москвичи, надо памятник освежить.

– Какой?

– Под окном начальника порта стоит.

– Ленин?

– Ну да, вы уж постарайтесь. Завтра днем баржа самоходная пойдет в Рязань, я предупрежу капитана, чтоб вас прихватил. Только красить приступайте после семи, когда начальство уедет.

– Мы пока город посмотрим, а вечером приступим, – шумно задвигали мы стульями.

Парторг на прощанье пожал нам руки и внимательно зглянул в глаза.

– Ну, дадим серпом по молоту! – веселился Нестеров на улице.

– Дом – работа – магазин. Всё близко. Всё пешком, – вертел я головой. Родная фактура среднерусской возвышенности уже не нервировала безнадегой.

У проходной стоял давешний вахтер и старательно делал трезвый вид.

– А вашего с портфелем ещё не было. Вы чё, практиканты? – мужик был рад, что случились собеседники.

– Точно, – кивнул Нестеров.

Зашли в гастроном.

– Ну что, давай приобретать?

– Давай.

– С чего начнем?

– С бутылки для завтрашнего капитана.

– Есть охота, давай перекусим где-нибудь.

– Пошли.

В стекляшке напротив солнце играло на липком столе на граненых стаканах с компотом из сухофруктов. Мужик за соседним столиком уныло жевал пельмени и о чём-то думал. Подошла уборщица и грязной тряпкой протерла соседний столик.

Мы с Нестеровым переглянулись.

Настроение усилили селедка с лучком, винегрет, заправленный майонезом и хек жареный с макаронами.

– Чё, не русские, что ли? – через пустой зал спросил парень в клетчатой рубахе.

Перед ним стояла трёхлитровая банка с пивом и жирно блестела раздербаненная рыбина. Рядом хмурились еще двое и надежно молчали.

– Почему? – обиженно поджал губы Нестеров.

– Не пьете ни хрена!

– Да нам сейчас Ленина красить.

– Закурить дайте, ленинцы херовы.

Нестеров полез за сигаретами. Парень прикурил и сунул пачку «Столичных» себе в карман.

Местным мы явно не глянулись.

– Петька, не балуй! Не приставай к людям! – одернула парня буфетчица с «химией» на голове.

Угнетённые низким культурным уровнем здешней молодёжи мы вышли на улицу. У забора возилась какая-то куцехвостая курица. Солнце припекало ещё сильней.

Упитанная гипсовая фигура вождя с хитроватым прищуром смотрела с низкого постамента в сторону проходной. Идеологически выдержаные пиджак, жилетка, галстук местами поблудили.

– За час сделаем, – оглядел Нестеров фронт работ.

В половине восьмого, когда жара начала спадать, Нестеров окунул кисть в ведро с разведённой серебрянкой и густым слоем положил краску на лысину вождю мирового пролетариата.

– Будет как новенький, – передвинул я ведро поближе и занялся гипсовой спиной.

С кем-то добавивший вахтер внимательно наблюдал за нами со стула.

– Чего ощущаешь? – духоподъемно интересуюсь у Нестерова.

– Не поверишь, всю огромную страну от Калининграда до Владивостока! Все девять часовых поясов!

– Принимай работу, дядя! – через сорок минут крикнул Нестеров вахтеру.

Тот важно встал, строго посмотрел на памятник. Потом на нас и с выражением полного удовольствия на лице запел: «И Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди!..»

– Слушай, а краска ещё осталась, давай бюст в актовом зале освежим?!

– На фига?

– Чтобы глаз радовал!

– А-а-а... Пошли!

За дебаркадером потихонечку текла Ока. Плескалась мелкая рыбешка. В пыли кувыркались воробы. По «Маяку» жизнеутверждающе пел Кобзон.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ

Незаметно кончилось лето. Через день шуршал дождь.

Осень неряшливо приклеивала жёлтые листья на тротуары и припаркованные машины.

Сверху давило понурое небо.

Мы сидели, разговаривали, по очереди прихлёбывали шампанское из горлышка. На бульваре дворники собирали и жгли листья.

Горький запах осени. Грустные мы.

Час назад Нестеров развёлся и временно потерял жизненные ориентиры. Жена Лена приняла решение в одностороннем порядке и ушла в другую жизнь, где ему уже не было места.

Сегодня она закрепила своё решение штампом в паспорте. Она вообще относилась ко всему серьёзно.

Никто больше не ограничивал свободу его передвижения. Домашняя еда и чистые носки тоже закончились. Самое время было вспоминать холостяцкие привычки. Домой в родительскую трёшку на Профсоюзной не хотелось. Родители-пенсионеры были людьми твёрдых нравственных убеждений.

Я страдал с Нестеровым за компанию.

Закончилась вторая бутылка.

Из проезжающего троллейбуса на нас смотрели пассажиры, как мы сидим и выпиваем.

За время недолгого брака Нестеров растерял все наработанные связи.

– Вы любите Иисуса? – улыбались нам две молодящиеся гражданки с цветными брошюрками в руках.

– Гусеницы, мы не знакомимся на улице, – отшил их травмированный Нестеров.

– Что, простите?

– Сейчас едем на вокзал, покупаем билеты далеко-далеко, –
докурил Нестеров.

Спустились в самое красивое в мире метро.

– Хочешь? – тычет в меня творожным кольцом Нестеров.

Проехали пару остановок. Перешли на другую линию.
Поехали дальше. За десять минут доехали. Через Комсомольскую
радиальную вышли на Ленинградский вокзал, оказались
на Ярославском.

Без вещей, но с бутылкой шампанского.

В кассе нервно-возбуждённо пристроились за каким-то
военным с маленькими звёздочками.

– Пятое купе, – поправила грудь проводница и тряхнула
кудряшками.

Сели в поезд и покатили по нашей обширной родине кудато
в сторону Вологды. Пока не стемнело, за окном мелькали
какие-то населённые пункты, потом поля с перелесками.

Ближе к ночи у Нестерова открылось второе дыхание.

– Перестань жрать.

– Отстань! Не видишь, я страдаю?

– Чую, молодые люди?

– А коньячку нет? – оторвался от пакета с вокзальными
беляшами Нестеров.

– Для вас найдём, – заиграла глазами проводница.

– Только по чуть-чуть, – предупредил я приятеля.

По чуть-чуть, по чуть-чуть... – выстукивали колёсные
пары.

– Спишь? – спрашивала Нестерова утром.

– Нет, конечно, – пошевелился Нестеров. – Видишь, моргаю. – Он отвернулся к стенке и накрылся с головой пододеяльником.

Через полчаса мятый Нестеров уже сидел на скомканной
постели.

Долго смотрели в окно. Было скучно. Потом поинтересовались у соседки, куда едет поезд, чем сильно её изумили.

– Где будем выходить?

В Котлас ехать расхотелось – далеко и долго. Да и название показалось не симпатичным.

– Давай сойдём на следующей.

До «следующей» скорый поезд вёз ещё час.

– Населённый пункт есть, а архитектуры нет, – пробежался Нестеров взглядом. – А могли бы поехать в Ригу. Мы там с Ленкой были в том году. Домский собор, рижский бальзам и мелкое море.

– Ты сам вчера брал билеты, – напомнил я.

Стоим в семи часах езды от Москвы.

Ухабистая в рытвинах дорога тащилась в посёлок городского типа. Берёзы шелестели дырявыми кронами на ветру. У крайнего барака, задумчиво склонив голову набок, мужик подбирал на баяне «Прощание славянки».

Захолустная повседневность

– Поехали скорее отсюда.

– Куда?

– Куда-нибудь.

– Поезд только завтра.

Начиналась жизнь без сколько-нибудь спланированной перспективы. Имевшаяся наличность позволяла продержаться в провинции несколько дней.

– А зачем мы вообще сюда приехали?

– Развеяться, посмотреть, воздухом свежим подышать, – процитировал я Нестерову Нестерова.

– А в Москве нельзя было? – недоверчиво сощурился он. Нестеров был философ по образу мыслей и художник по состоянию души, поэтому частенько претендовал на оригинальность.

– Сам же говорил: надо развеяться.

– А ты чего не остановил?

– Тебя остановиша. Ты коньяк томатным соком запивал.

– Ты же знаешь, я коньяк не очень, – напомнил Нестеров.
– А вчера даже очень. Потом проводнице исполнял «ой, мороз, мороз», потом деградировал.

– Приставал при исполнении?..
– Нет, уснул в туалете.

Нестеров вздохнул и воткнул сигарету в рот.

Пасмурно. Вокруг бараки, заборы, лопухи, крапива и водонапорная башня. Настроение так себе.

Народ на автостанции жевал, дремал. Перешёпывались и хихикали девчонки. Стрелки на круглых часах навсегда залипли на цифре десять. Вертлявый мужичок с руками в наколках пощипывал нас взглядом.

– Дай закурить! – шагнул он к Нестерову.

– Сидел, что ли?

– Сидят на жопе, а я срок мотал.

– Аа, ну да... – покладисто согласился Нестеров и угостил мужика «Столичными».

– Слыши, дай чирик! – борзел мужичок.

– Нету чирика, – соврал Нестеров.

– Интеллигентия, – сплюнул мужичок. – Куда едете?

– В монастырь, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Аа, тогда вам на морщинский автобус.

Через час автобус привёз в небольшую деревню с шиферными крышами и кирпичными пеньками печных труб.

Магазин. На крыльце мужик в надвинутой на глаза кепке. Рядом вертится и радостно поскуливает собака, вся в репьях.

– Где монастырь?
– Это какой же?
– А у вас их много, что ли?

– У нас их вообще нет, – огорчил мужик.
– А где есть? – начинаем паниковать.
– В Фофаново.

– Далеко отсюда?
– Километров пятнадцать.

Мы переглянулись.

– Ноги в руки и вперёд! – шутканул мужик и указал в грустную прозрачность. Поперёк деревни дорога в лужах из ниоткуда в никуда.

– Пошли? – вздохнул Нестеров.

За околицей нас нагнал потрёпанный «жигуль».

– До Фофанова возьмёте?

– В монастырь? – поинтересовался мужик и надёжно замолчал.

Средневековая старина с дырявыми куполами без крестов стояла на острове. Тихие протоки врезались далеко в лесистый берег. В некоторых местах через них топорчились хлипкие деревянные мостики.

По тропинке прямо на нас шёл мужик лет пятидесяти с чутком и улыбался. На поношенном пиджаке красовался вузовский голубенький ромбик.

– Привет, ребята! Выпьете со мной, а то одному как-то не того.

– Спасибо, не хочется.

– У меня выходной сегодня, – вежливо кашлянул мужик.

– А ты кем работаешь?

– Киномехаником в клубе.

– А мы вот приехали в монастырь.

– А, ну-ну... – посмотрел он долгим взглядом и зашагал в сторону деревни.

Мы с Нестеровым поднялись на мостик.

Над серединой протоки подо мной хрустнула скользкая доска, резко качнуло, я интуитивно вцепился в перилу и вместе с ней свалился вниз.

Следом тяжело ушёл под воду Нестеров.

Вода обожгла. Одежда потяжелела. Мне было по пояс. Нестерову по грудь. В разные стороны брызнули серебристые мальки.

По твёрдому дну мы споро выбрались на берег.

– Давай, собирай сушняк – сейчас костёр разведём!

– Спички промокли!

– Беги догоняй мужика – он ещё далеко не ушёл! Ты умешь быстро?!

Нестеров неуклюже заколыхался в сторону деревни.

Пока я собирал сушняк в кучу, Нестеров с киномехаником вернулись.

Мужик сноровисто разжёг костёр. Достал из заплесневевшего цвета рюкзачка эмалированную кружку, протёр её пальцем, потом подул внутрь. Сорвал пробку с поллитровки, порезал дольками битое чёрными точками антоновское яблоко.

– Давайте, ребята! Вам сейчас в самый раз будет!

– А ты?

– Не-е! Давайте, давайте! – по очереди набулькал нам с Нестеровым до краёв.

Водка легко провалилась вниз, и в животе стало тепло.

Потом киномеханик поджёг в костре прутик, закурил. Нестеров в одних трусах сбивчиво рассказывал киномеханику о себе, о теперь уже бывшей жене Ленке. О том, как они слушали орган в Домском соборе, пили в кафе бальзам из крохотных рюмочек, а потом на закате бродили по старым улочкам Риги.

Нестеров выпускал наружу растерянность. Мужик улыбался в ответ тихой и какой-то усталой улыбкой.

Листопад слов...

Постреливал костёр, распятая на ветках одежда нехотя согла. День всё время балансировал на грани дождя. У самого берега на серой воде покачивались жёлтые листья, а во рту у меня почему-то чуть горчил рижский бальзам, привезённый тем летом в качестве сувенира Нестеровым с Ленкой.

НА ДЕРЕВНЮ К ДЕДУШКЕ

Изъёрзался, извёлся вконец.

Каждый вечер всё перекладываю и перекладываю рюкзак.

За окном уже порядочно стемнело. Город прячется за вечер. Жёлтые окна дома напротив. На улице пробка. Водители стареют в иномарках. Всё привычно и буднично.

Да уж, осталось совсем немного, совсем чуть-чуть, и...

Самое трудное – выбрать маршрут.

Сначала поездом, потом машиной часа четыре до переправы через Онегу.

– Э-э, – как обычно мужик в расстёгнутой куртке подберется лицом, важно задёргает кадыком вверх-вниз и возьмет с нас стольник за проезд по понтонной переправе. Напарник будет скучно стоять чуть в сторонке, курить, лениво стряхивая пепел с сигареты.

По Онеге будут плыть медяшки редких осиновых листьев. Будто украдкой то тут, то там начнёт желтеть лес, и поля уже тронет ржавчина. Лето будет грустно катиться к финалу. Вечерами станет прохладно и по-осеннему грустно.

Дальше укатанная лесовозами грунтовка будет петлять ещё с час вдоль берега помелевшей Кены. Наконец, уже моторкой краем здоровенного озера махну до деревеньки в два дома. И потом на целых три недели сплошная водная среда в бородавках остовов.

Осеннее пространство, тишина, высоченные карандаши сосен, брусличники под ногами.

Вечера будут налезать на далёкое село чернотой, а моторки рыбаков будут разводить носами морщинистые усы на серой воде. Дождик будет тихо шуршать в папоротнике. Лес будет пахнуть горчью сырых листьев, грибами и корой.

И каждый день будет меняться цвет, меняться краски, редеть короны осин.

У магазина будут сутулизаться спинами мужики – сплёывать, улыбаться, лениво смотреть на озеро – прародителя всего сущего окрест.

Резиновые сапоги, линялый камуфляж, щетина, за бутылку готовы дать свежей рыбы.

Забрызганный грязью «фольксваген-гольф» у конторы заповедника. На пологом берегу прокопчёные баньки.

Никакой геометрии – всё кривое, косое, волнистое. Ни одного прямого угла, только тупые.

Даже от коровы на кочковатой лужайке поодаль веет пессимизмом.

Из-за преющей ботвы на огороде два внимательных зелёных глаза.

– Кис-кис-кис!

Кошка метнется куда-то вбок. Вечером хозяйка нальёт ей молочка в миску и покрошит туда хлебца.

Продавщица с «конским хвостом», перетянутым резинкой, положит на весы кулёчек пряников, округлит глаза и назовёт цену.

Мужики у магазина уже выпьют и закурить получится как-то само собой. Теперь они с достоинством будут сидеть на бревнах с видом на озеро.

От водки лица разгладятся, сосуды расширятся. Мужикам станет хорошо. Они будут курить и молчать с выражением. Над ними будут кружиться и закладывать виражи чайки.

– Всё на пенсионерах ещё держится, а как помрём, никого тут не останется, – докурит мужик в кучей курточке и бросит окурок в воду.

– Петровна?! Это что у тебя? Волнухи?

Сколько таких мужиков и баб живут в моей памяти.

Они по-прежнему ходят, разговаривают, улыбаются...

Избы с крашенным тёмной охрой буфетом, тусклой лампочкой под потолком, с китайскими кварцевыми часами на стенах и корейским телевизором.

В окне старушечье лицо будет провожать немым вопросом: кто таков?

Как и год, и два назад, хозяйки будут собакам вываливать вчерашнюю картошку, бросив туда чёрствую хлебную корку. По улице будет тарахтеть на мопеде какой-нибудь парень. Короткая стрижка, спортивки, кожанка и белые кроссовки – привет из девяностых.

Прозрачная тишина осени. А ещё через три недели голые кроны деревьев с последними листьями будут мокнуть под нудным октябрьским дождиком.

– Прошлой осенью ногу на огороде гвоздём сильно наколол, так с неделю промаялся – рвёт ногу, спасу нет! Поехал в амбулаторию в Конёво, там разрезали.

– Без наркоза? – уточняю у деда.

– Какой там! Терпи, говорят. Вот и терпел. А куда деваться? Чай, не в Москве живём.

А в Каргополе наверняка будет дождь. За окном будет вечер.

Спать рано, читать темно.

Я включаю телевизор в гостинице и начну смотреть фильм не с начала.

ЦВЕТНОЕ ЛЕТО

Уезжают, приезжают, ждут, встречают, провожают.
Сидя, стоя, в тенечке, у электронного табло с расписанием.

Пьют воду, курят, сплёывают на нагретый солнцем асфальт.

Майки, шорты, сарафаны, новенькое турецкое золото на шеях, в ушах и пальцах, солнцезащитные очки.

Сумки-чемоданы с наклейками аэропортов, нежные южные фрукты томятся в ящиках с дырочками и плетёных корзинах.

Жарко, шумно, сумбурно.

Лица, лица... Загорелые, усталые, грустные, улыбчивые.

Поезда прибывают, поезда отправляются, по очереди замирая у перронов.

В поездах люди. Они уезжают и возвращаются.

Их провожают. Их встречают.

Конец июля. Отпускники, отпускники...

Бирюзовое море, жёсткие пляжные лежаки, ночные бары, громкая музыка.

Линялая холстина неба, медные сосны, потрескивание костра, чай из котелка, губы в чернике.

Отпуск закончился.

Господи, как там было всё замечательно!

Впереди много одинаковых дней, длинных и привычно скучно похожих.

Работа, дом, два выходных в конце недели.

В школе мечтали о лете, солнце, каникулах.

Теперь – о лете, солнце, отпуске.

Стою на перроне, солнце заставляет жмуриться.

Проводница, похожая на поселковую тетку, вышла из вагона и привычно встала у двери. Без выражения посмотрела на билет, паспорт, потом на меня:

– Пятое место.

В вагоне было свежо – кондиционер исправно охлаждал. Солнечный свет из окна косо поджелтил удобные кресла с высокими спинками.

Легкое возбуждение.

Я тоже уезжаю на несколько дней в лето, чтобы стать независимым от обыденности хоть на немножко.

Можно расслабиться и просто смотреть в окно. Ещё немножко, и вокзал нехотя поплыёт назад вместе с очередями у касс, носильщиками, охранниками, таксистами, кафе и чёрным электронным табло с расписанием движения поездов дальнего следования.

Ещё пять минут, и привычная жизнь станет прошлым на целых четыре дня.

Жизнь постоянно накапливает прошлое, как лето цвета и краски...

СОДЕРЖАНИЕ

Приезжай!	3
Осень. Рыжики. Гоголь	12
Никола предзимний	20
Румяный снег декабря	28
Пошли в баню!	36
Чёрно-белая зима.	43
Рыбий день	49
И сотвори обитель. Соловки. Картинка по памяти	61
Поморский. Унежма. Картинка по памяти.	65
И долго не гаснет	70
Отпуск в рюкзаке	75
Вечер, который будет только завтра	80
Позавчера, вчера и завтра.	85
Васильки в крынке	91
По Оке реке	98
Последний день сентября	103
На деревню к дедушке	109
Цветное лето	112

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Лауреаты премии «Народный писатель»

Гордеев Вадим Александрович

ОСЕНЬ. РЫЖИКИ. ГОГОЛЬ

Ответственный редактор Ю. Бухтиярова

Корректура: Н. Маренина

Компьютерная верстка: А. Шатунов

Дизайн обложки: А. Москвичева

Подписано в печать 08.06.2016

Формат 60x90/16

Бумага офсетная

Тираж 90 экз.

ООО «Издательство РСП»

127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1

Тел.: +7 (495) 215-14-25

www.izdat.ru